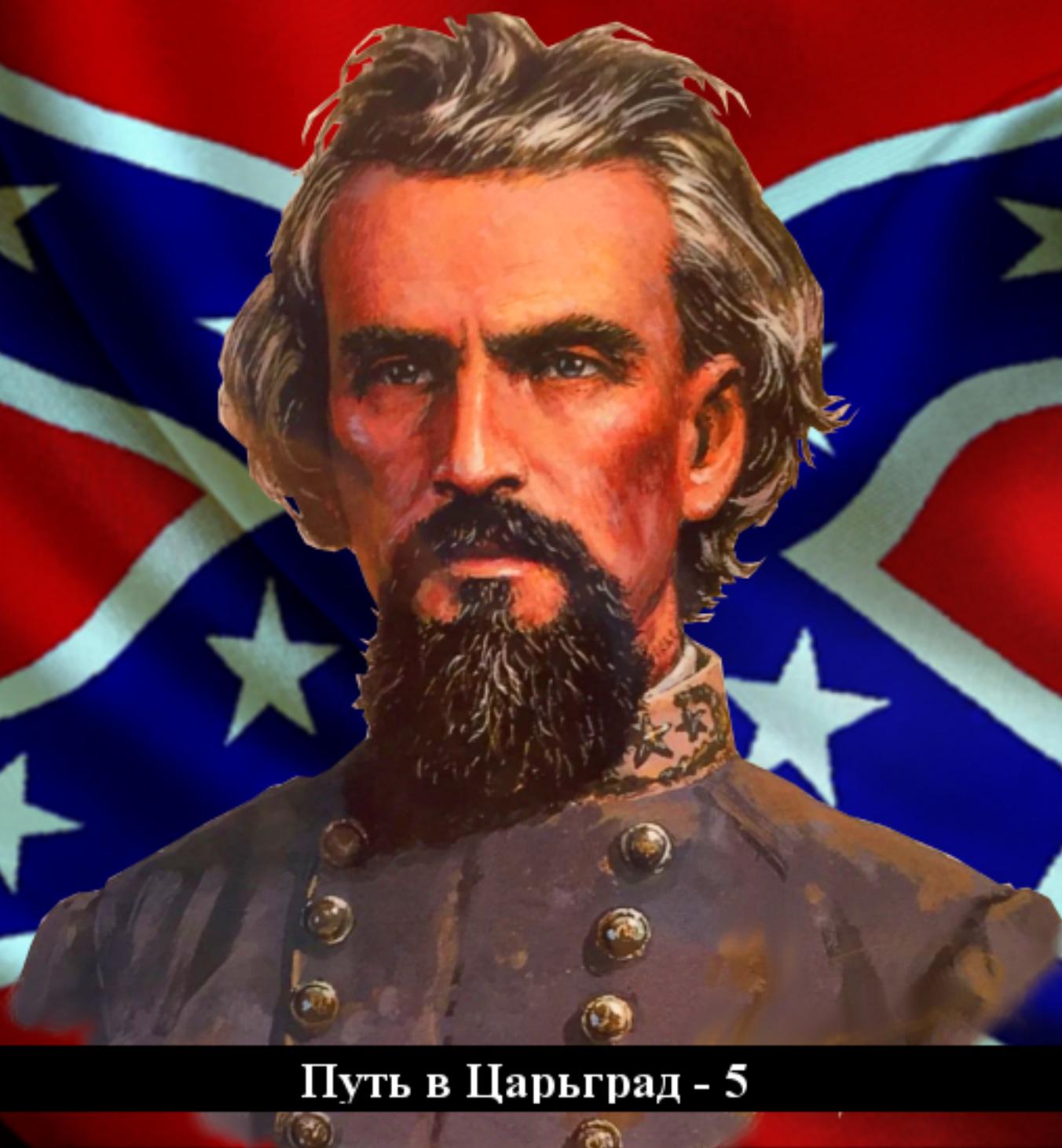

Александр Михайловский
Александр Харников

ВОИНЫ ДИКСИЛЕНДА

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Путь в Царьград - 5

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

**Воины Диксиленда.
Затишье перед бурей**

«Автор, Автор»

2022

Михайловский А. Б.

Воины Диксиленда. Затишье перед бурей / А. Б. Михайловский —
«Автор, Автор», 2022 — (Ангелы в погонах)

Главные сражения за будущее мира еще впереди, а пока в Европе и окрестностях неустойчивое затишье. Российская империя очень зла, да и Югороссия не добрее, а чтобы им было не скучно, они позвали к себе третьей... Германию. В образовавшемся Континентальном альянсе за Германией - промышленная мощь и финансовый капитал, за Югороссией - многочисленные новые технологии и знание политики на сто лет вперед, за Российской империей - бескрайние просторы, сырьевые богатства, а также человеческий капитал: многочисленные русские гениальные ученые, изобретатели и инженеры, которые теперь будут трудиться только на родную страну. Впрягшись в одну упряжку, эти три страны будут изо всех сил приближать тот день, когда этот мир изменится необратимо. А пока на поверхности только тишь да гладь, все уже предрешено, но ничего окончательного не произошло. Марширует к Басре Персидский корпус генерала Скобелева. Арендовав базу в Гуантанамо, югороссы примеряются к Североамериканским Соединенным штатам - главному противнику в грядущей схватке, а на атлантическом островке Корву тренируется ирландская королевская армия, чтобы однажды принести свободу пострадавшему Зеленому Острову. Британия тоже не дремлет. Джентльмены верны себе: не имея ни сил, ни возможностей достать главного врага и испытывая удушье от морской блокады, они принимаются за убийства безоружных и беззащитных.

© Михайловский А. Б., 2022

© Автор, Автор, 2022

Содержание

Часть 16-я «Воскрешение Конфедерации»	6
Часть 17-я «Конец Пинкертона»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Михайловский, Александр Харников Воины Диксиленда. Затишье перед бурей

Часть 16-я «Воскрешение Конфедерации»

16 (4) ноября 1877 года. Куба, Гуантанамо

**Джуда Филипп Бенджамин, государственный
секретарь Конфедеративных Штатов Америки**

Быстроходный югоросский катер причалил к деревянному пирсу и я, вежливо попросившись с командой, сошел на берег. На мне был элегантный костюм, сидевший как вторая кожа. Только в Лондоне, на Сэвил Роу, умеют шить такие костюмы. Мои некогда черные волосы и окладистая борода практически полностью поседели, но лицо было все еще молодым, почти без морщин.

Оглядевшись, я увидел небольшое здание, над которым реял флаг Конфедерации. Глаза мои заблестели, а по щеке скатилась слеза. Через много лет я снова вижу этот флаг, развевающийся на флагштоке.

Минуту спустя я был окончательно сражен: от здания навстречу мне, размахивая тростью, шел сам президент Дэвис! Его сопровождали четверо молодых людей неброской наружности.

– Джуда, мой друг, добро пожаловать в Гуантанамо! – сказал президент, пожимая мне руку. Сопровождавшие его молодые люди приняли у матросов мой багаж и замерли в ожидании.

– Спасибо, мистер президент, – ответил я, сжимая его еще крепкую руку, словно боясь, что все увиденное окажется сном, и я сейчас проснусь, – очень рад, что я сегодня оказался здесь, среди своих друзей.

– Пойдем, я тебе покажу твое новое жилище, – сказал президент Дэвис, подводя меня к высокому и плотному армейскому офицеру к югоросской военной форме.

– Бен, познакомься – это майор армии Югороссии Сергей Рагуленко, наш главный военный советник. Майор, позвольте вам представить Джуду Бенджамина, государственного секретаря Конфедеративных Штатов Америки, – представил он нас друг другу.

Утирая непрошеную слезу, я негромко сказал:

– Мистер президент, можно, я еще немного постою здесь? Ведь я так давно не видел нашего славного флага...

Я стоял, смотрел на развевающееся в воздухе алое полотнище с косым синим Андреевским крестом, украшенным белыми звездами, и вспоминал всю свою минувшую жизнь...

Я, Джуда Филипп Бенджамин, родился в еврейской семье в Сен-Круа на Виргинских островах. Но едва мне исполнилось два года, наша семья переехала в город Фэйетвилль в штате Северная Каролина.

Мой отец, Филипп Бенджамин, попробовал себя в качестве бизнесмена, но быстро прогорел, и мы снова переехали, на этот раз в город Чарльстон, что в Южной Каролине. Вторая

попытка начать бизнес кончилась тем, что все семейные сбережения были словно унесены ветром, и нашей семье пришлось перебираться в лачугу около порта. Тогда отец сказал мне: «Если не везет в карты, сынок, то повезет в любви. А бизнес, малыш – это те же карты».

Отец весь остаток жизни торговал фруктами с лотка около порта. Жили мы впроголодь, но деньги на обучение нас, детей, для моего отца были на первом месте.

Сначала я учился в разных хороших школах, а потом отец послал меня в Йельский университет, расположенный в северном штате Коннектикут, в городе Нью-Хейвен. Во время учебы я подрабатывал как мог, но, севши однажды играть в покер, быстро почувствовал логику этой карточной забавы, и начал зарабатывать игрой очень неплохие деньги. Вскоре из выигршей я уже полностью оплачивал свое обучение, да еще и делился с родителями. Потом, на втором курсе, я начал писать рефераты за своих не столь одаренных товарищей, и денег, которые теперь зарабатывал, хватало и на образование младших братьев.

А вот с женщинами мне не везло. Ни одна из молодых евреек, с которыми меня знакомили в Нью-Хейвене и в Чарльстоне, мне не понравилась. Впрочем, как и я им.

Эти юные стервы в первую очередь оценивали толщину кошелька потенциального жениха, и только потом смотрели на прочие его достоинства. А это – та же проституция, небрежно прикрытая фиговым листочком брака. Я не аскет и не моралист, но одно дело провести с девкой за деньги одну ночь, и совсем другое – всю жизнь. И я все время вспоминал слова отца.

Летом, после первого курса, я случайно попал на митинг в центре Чарльстона. Речь держал сам Джон Калхун, сенатор от Южной Каролины и самый яркий южный политик. Он не уподоблялся проповеднику или артисту – он говорил языком, понятным для всех. Его речь была о том, как Север пытается подмять под себя Юг, и что Североамериканские Соединенные Штаты медленно, но верно превращаются в тиранию – хуже той, против которой колонисты восстали в далеком 1776 году, и что у каждого штата, да и у Юга вообще, есть полное право выйти из состава Федерации.

Раньше я не поверил бы Калхуну, но год, проведенный в Коннектикуте, укрепил меня в мысли о том, что «что-то прогнило в датском королевстве», и моя родина – это не Североамериканские Соединенные Штаты, а Дикси, штаты к югу от Линии Мейсона-Диксона, от Миссури на западе до Делавера на востоке. И моей первой настоящей любовью стала не женщина, а Юг.

Впрочем, женщин я тоже не чурался – чего-чего, а публичных домов в Нью-Хейвене хватало, и денег у меня было вполне достаточно и на них. Но мне хотелось не только телесного удовольствия, но и любви. А вот этого я найти никак не мог.

В 1827 году, когда мне было шестнадцать лет, после двух лет обучения в Йеле, рейд профессоров накрыл игру в покер, в которой участвовал и я. Я был единственным евреем из игроков, и, возможно, именно поэтому из университета исключили только меня. Но я не отчаялся и поехал в Новый Орлеан, где устроился клерком в адвокатскую контору, а через три года стал обучаться юриспруденции.

Из адвокатской конторы меня довольно быстро уволили, поскольку владельцам не понравился еврейчик, возомнивший себя будущей звездой-юристом. И я стал зарабатывать на жизнь уроками английского. Дело в том, что многие креолы даже через полвека после покупки Луизианы у Наполеона почти не говорили на английском. И вот одна из моих студенток, Натали Боше де Сен-Мартен, мне очень понравилась.

Как ни странно, несмотря на то, что я был евреем, ее родители буквально притащили нас с Натали к алтарю. Потом, конечно, выяснилось, что она была «слаба на передок». Но я слишком поздно узнал то, что знали все. Жениха из приличной семьи она бы никогда себе не нашла.

И вот, после того, как я в двадцать один год я с первого раза сдал экзамен на степень юриста, к которому многие другие готовились годами и пересдавали по многу раз, мы с Натали

обвенчались в католическом храме в Новом Орлеане. В синагогу Натали идти отказалась, да и я, собственно, не был ревностным иудеем.

Вскоре после свадьбы Натали родила мне дочь, которую мы назвали Нинетт. Больше детей у нас не было. Позже я узнал, что вскоре после родов Натали «залетела» от кого-то из своих случайных знакомых, и в результате тайного аборта стала бесплодной на всю жизнь. А когда Нинетт было семь лет, моя супруга вдруг объявила, что она уезжает в Париж, и что «ты можешь иногда приезжать», не забыв присовокупить, что пришлет мне адрес, по которому я смогу высылать ей деньги. И тут я понял, что буду и дальше любить жену и содержать ее, несмотря на ее выкрутасы. Тем более что деньги, и немалые, у меня тогда уже водились.

Когда я в 1851 году стал сенатором от Луизианы, Натали ненадолго послушалась меня и переехала ко мне в Вашингтон. Но уже через несколько месяцев, брызгая слюной и истерично крича, что она не хочет больше жить в глухой провинции, укатила обратно в Париж.

После этого я, как это было и раньше, проводил по месяцу в году в своем парижском доме. Я даже думал остаться там навсегда. Но когда я обратился в местную адвокатскую коллегию, мне быстро дали понять, что мантия адвоката мне не светит. Ведь я иностранец, а французский язык у меня хоть и безукоризненный, но в нем имелся луизианский акцент, «а это недопустимо».

Так что с любимой женщиной мне все же не повезло. Да и над моей первой и главной любовью, нашим милым Югом, сгущались тучи. Наконец, в 1861, я оказался одним из тех, кто уехал из Вашингтона навсегда. Сначала генпрокурор Конфедерации, потом военный секретарь, и, наконец, госсекретарь. Я делал все, чтобы Юг стал свободным и независимым. Но наобещавшие мне три короба англичане и французы обещаниями и ограничились.

После капитуляции Юга я сказал президенту Дэвису, что ни при каких условиях не буду жить под властью янки. Дэвис попенял мне (дескать, они пообещали никого не трогать), сдался новым властям, и оказался в тюрьме. А я сумел бежать в Англию практически без гроша в кармане. Я жил на гонорары за мои книги по юриспруденции, пользовавшимся спросом и в Старом свете. Но, главное, я был на свободе.

И тут отцовская поговорка дала сбой. Чтобы работать адвокатом, нужно было и здесь пройти как минимум трехгодичный курс, а потом сдать экзамен. Я же сдал этот экзамен за пять месяцев, и стал одним из самых уважаемых адвокатов в Лондоне. Когда я поехал в Париж к жене, которую не видел шесть лет, она бросилась ко мне на шею, исповедовалась во всех своих грехах и изменах, и обещала больше так никогда не поступать.

Жизнь налаживалась... Пусть газеты янки писали, что жена изменяла мне, потому что я импотент, а кое-кто даже намекал, что я содомит – мне было все равно. Я был счастлив во всем, кроме одного. Моя первая любовь – Дикси – лежала, изнасилованная проклятыми янки, и я уже не надеялся когда-либо увидеть ее свободной.

В сентябре этого года я поехал к жене в Париж, а в начале октября, незадолго до отъезда, ко мне на улице подошел вежливый молодой человек.

– Мистер Бенджамин, – сказал он, – у меня к вам рекомендательное письмо.

Он никак не был южанином: его английский был с явным иностранным акцентом, причем не испанским, французским или немецким...

Я взял из его рук конверт, достал нож, вскрыл его, и увидел знакомый почерк президента Дэвиса. «Мой дорогой Джуда, – писал тот, – я прошу Вас выслушать человека, который передаст вам это письмо, и верить ему, как мне. Ваш друг Джефферсон Дэвис».

– Мистер Бенджамин, меня зовут Александр, – сказал мне незнакомец, когда я дочитал письмо и кивнул ему в знак согласия. – Не хотели бы вы выпить кофе? В Кафе де ля Пэ есть приватные кабинеты, где нам никто не помешает.

Я был в недоумении: президент Дэвис никогда бы не прислал ко мне просителя. Да и к тому же откуда он узнал, что я буду в это время в Париже? Так что что-то здесь было не так...

Через десять минут мы сидели в кафе, и перед нами стояли чашки с кофе. Александр неожиданно произнес:

– Мистер Бенджамин, президент Дэвис просил вам передать, что правительство Конфедерации возобновляет работу с середины ноября, и что ваше присутствие там будет обязательным.

Я ошеломленно смотрел на собеседника.

– Да-да, правительство Конфедерации возобновляет свою работу, – повторил тот. – А вы, как-никак, государственный секретарь...

– Мистер Александр... – хрипло произнес я.

– Просто Александр, – поправил он.

– Александр, – сказал я, – Конфедерация, увы, мертва, янки плотно контролируют весь Юг.

– Мистер Бенджамин... – назидательно сказал тот, – позвольте вам кое-что объяснить.

– Зовите меня просто Джуда, – тихо произнес я. На мгновение мне показалось, что передо мной не живой человек, а воплощенный ангел Господень – настолько чужеродными выглядели его мимика и телодвижения.

– Так вот, Джуда, – сказал Александр, – Конфедерация обязательно возродится, и в скором времени начнется освобождение ее территории от власти янки. Правительство уже собралось в полном составе, не хватает только вас. А где именно расположено правительство Конфедерации в изгнании вы узнаете чуть позже. Если мы, конечно, договоримся.

– Но Конфедерацию никто не признает, если уж ее никто не признал тогда, – уныло сказал я, – и она снова будет обречена...

– Джуда, – усмехнулся мой собеседник, – Конфедерацию уже признали. Это сделало государство, которое я имею честь представлять. И мы готовы помочь святому делу освобождения юга от тирании янки всем, чем можно: деньгами, причем немалыми, новейшим оружием и первоклассными военными специалистами. Один умный человек сказал в похожем случае: «Враг будет разбит, и победа будет за нами».

– Но кто вы? – недоумевающе произнес я.

Александр снова усмехнулся.

– Это вы узнаете, как только согласитесь на предложение вашего президента. Вашего, заметьте, не моего.

«Значит, вы югоросс, милейший Александр...» – подумал я про себя.

Я был в Портсмуте по делам одного из своих клиентов в ту самую ночь, когда югороссы непонятным образом уничтожили весь базировавшийся там британский флот и сильно разрушили сам порт. Обстрел и взрывы меня не испугали. Больше всего меня поразила та легкость, с которой они уничтожили главную базу военно-морских сил Объединенного королевства. Да, если это государство со всем его могуществом станет нашим союзником, то у нас появится реальный шанс.

Я поднял голову и сказал:

– Я согласен, Александр. Только один вопрос, раз уж я согласился. Вы ведь югоросс?

– Ну, вот и хорошо, – кивнул тот. – Да, вы угадали, я действительно югоросс. Ну а пока вам предстоит вместо Лондона добраться до острова Флореш, что в Западных Азорах. В начале ноября вас оттуда заберут.

– А у меня будет время вернуться в Лондон и привести в порядок все мои дела? – растерянно спросил я. – У меня ведь клиенты...

– Лучше этого не делать, чтобы противник ни о чем не догадался, – ответил Александр. – У вас же есть там партнеры? Напишите им, что вам придется срочно отправиться на лечение, и что вы просите, чтобы они взяли клиентов на себя на время вашего отсутствия. А жене и дочери не говорите ничего. Пусть они думают, что вы вернетесь в Лондон. Так будет безопас-

ней и для них, и для вас. – Он достал из кармана большое портмоне. – Вот, смотрите. Это билет на поезд в Бордо. Отходит послезавтра – именно тогда, когда вы собирались уехать в Лондон. Вот билет на пакетбот, следующий рейсом Бордо-Лиссабон. А это билет на пароход, идущий в Веракрус. Договоритесь с капитаном о том, что вы сойдете во Флореше. Так многие делают. Потом поселитесь в гостинице «Осиденталь» в городе Санта Круз, там на ваше имя уже зарезервирован номер. Через несколько дней после вашего приезда на Флореш зайдет наш корабль. На нем вы и отправитесь прямо на встречу с Джефферсоном Дэвисом.

– Значит, вы были уверены, что я соглашусь? – спросил я.

– Конечно, – ответил он. – Вы же патриот своей родины.

Дальше все пошло как по маслу. Жена проводила меня до перрона, я сел на поезд до Кале, подождал, пока супруга уйдет, и пересел в нужный поезд на Бордо.

Дальше были Бордо, Лиссабон, Санта Круз... А потом на Флореш зашла эскадра огромных югоросских кораблей. На крейсере с труднопроизносимым названием «Severomorsk» ко мне с самого начала отнеслись как к официальному лицу дружеского государства, с соблюдением положенного дипломатического этикета. Далее – шесть дней морского путешествия, и вот я на Кубе, куда я когда-то бежал от янки по дороге в Англию, и откуда я, с Господней помощью, вернусь туда, откуда уехал, как мне тогда казалось, навсегда.

И только там я поверил, что наш Юг возрождается. И что мне действительно стало везти в любви...

16 (4) ноября 1877 года, Куба, Гуантанамо

Джефферсон Финис Дэвис, президент Конфедеративных Штатов Америки

Я терпеливо ждал, пока мой старый друг Джуда стоял, вытянувшись как по стойке смирно, а по его щекам текли скупые мужские слезы. Тут я понял потаенный смысл слов югоросского майора Сергея Рагуленко (которого местные кубинцы звали команданте Серхио Элефанте): «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Вот наконец Джуда немного успокоился, вытер платком слезы и надел шляпу.

– Идемте, мистер президент, – сказал он, – теперь я готов выслушать все, что вы мне скажете.

Мы с ним вошли в недавно построенный небольшой домик с претенциозным названием «Временный Капитолий Конфедерации». Теперь я понял, почему майор Рагуленко так настаивал на необходимости этого здания. Если все Гуантанамо, со всеми его потрохами, принадлежало Югороссии, то тут, во временном Капитолии, была территория Конфедерации. Обстановка самая обычная: большой круглый стол, несколько стульев, на столе кувшин с водой и несколько стаканов, а также огромная Библия.

За столом уже сидели Джон Рейган, адмирал Семмс, генерал Батлер и единственный на сегодня наш гость – генерал Форрест.

Джуда обнялся со всеми, кроме генерала Батлера. Я вспомнил, что у них были кое-какие трения в бытность Джуды военным секретарем. Впрочем, после минутной задержки и эти двое торжественно пожали друг другу руки.

Я выдержал двухминутную паузу и запел «Дикси», наш гимн:

– «I wish I were in the land of cotton...» («Как я хочу оказаться на земле, где растет хлопок...»)

Нестройный хор голосов поддержал меня в пении; мы не хор в католической капелле, подумал я, зато мы поем от всей души.

Когда отзвучали последние слова: «Жить и умереть в Дикси», – наступила тишина. Лишь было слышно, как глухо тикают, методично помахивая маятником, большие напольные часы в углу комнаты.

– Господа, – сказал я, выдержав подобающую моменту паузу, – я рад, что вы все нашли возможность присоединиться к нам здесь, вдали от нашей Родины, на клочке земли, арендованном нашими югоросскими друзьями. Сейчас у нас появился исторический шанс воссоздать нашу родину, которая вот уже двенадцать лет стонет под пятой оккупантов, саквояжников и скалавагов и их черных приспешников. Недалек тот день, когда наш народ обретет свободу, за которую мы так храбро боролись целых четыре года. Давайте же примем присягу на фамильной Библии генерала Батлера, привезенной им из Дикси сюда, в Гуантанамо, где возрождаются наша армия, наш дух и наша нация!

Я первым произнес присягу:

– Я, Джефферсон Финис Дэвис, клянусь в верности Конфедеративным Штатам Америки и моему штату Миссисипи, и обещаю до последнего вздоха и последней капли крови защищать свободу моей родины, да поможет мне Господь!

Все, включая Джуду, который номинально был иудеем, и католика адмирала Семмса, приняли присягу на этой англиканской Библии. Я подумал, что все мы уже присягали Конфедерации, но только один Джуда так и не нарушил клятвы верности. И сейчас его голос зазвучал звонко и четко, как будто он сразу помолодел на тридцать или сорок лет.

После церемонии мы все отсалютовали знамени Конфедерации, стоявшему на постаменте в углу небольшого зала, после чего я сказал:

– Господа, теперь, когда все мы приняли присягу, я могу вам рассказать о подробностях нашего соглашения с югороссами. Но лучше будет, если я раздам вам точные копии этого договора, каким-то чудесным образом сделанные нашими югоросскими друзьями. Каждая из этих копий – ваша, но прошу вас позаботиться о том, чтобы никто не узнал не только о содержании нашего договора, но и о самом его существовании. Помощь, которую мы получаем от Югороссии, до самого последнего момента должна оставаться тайной за семью печатями.

Джуда внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

– Господин президент, – сказал он, – четырнадцать лет назад я договаривался и с англичанами и французами о военной поддержке с их стороны. Тем не менее, никакой военной или другой помощи мы от них так и не получили. Можем ли мы сейчас доверять югороссам?

Я ответил:

– Джуда, югороссы – это не англичане и не французы, а самые настоящие джентльмены, чье слово тверже стали. Все, что они нам обещали, было выполнено в кратчайшие сроки. Фактически все, что мы сейчас имеем, получено с их помощью. Погоди немного, и генерал Форрест еще покажет тебе нашу новую армию Конфедерации, которую мы создаем с их помощью. Под руководством их инструкторов наши молодые джентльмены, изнуряя себя тренировками и маневрами, учатся воевать не числом, а умением. Если у них выйдет хотя бы половина от того, что они хотят, то каждый солдат новой армии Конфедерации будет строить трех или пяти солдат янки. И я, и другие участники переговоров с Югороссией убеждены в том, что она неукоснительно выполнит и другие пункты нашего соглашения. – Немного помолчав, я добавил: – Да и сам факт вашего присутствия здесь, друг мой – разве он не свидетельство в их пользу?

– Да, вы правы, мистер президент... – Джуда склонил голову в знак согласия. – Я просто восхищен тем уровнем организации дела, который был мне так продемонстрирован. Признаюсь, что у них есть чему поучиться, хотя бы в организации ведения дел.

При этих словах Джуды, мы с адмиралом Семмсом многозначительно переглянулись. Это Джуда еще не был в Константинополе, в бывшем султанском дворце Долмабахче. Вот где организация дела, которая, с точки зрения каждого взрослого джентльмена, поставлена югороссами на недостижимую высоту, причем совсем не в ущерб самому делу.

Потом и Джуда, Рейган и Батлер углубились в чтение предоставленного им Соглашения. Ведь до сего момента только я, генерал Форрест и адмирал Семмс были досконально знакомы с этим документом.

Через десять минут внимательного чтения Джуда поднял голову.

– Господин президент, – промолвил он, – я, как патриот и как юрист, должен сказать, что я весьма благодарен и вам, и нашим югоросским друзьям за то, что этот договор был составлен и подписан. Тем не менее, мне неплохо бы кое-что обдумать, а также поговорить с секретарем Рейганом об исполнении некоторых пунктов этого договора. Нет, я не призываю ни к его изменению, ни тем более к его отмене. Просто мне хотелось бы понять, каким именно способом мы сможем продвигаться вперед при исполнении этого документа.

Да, Джуду не зря всегда называли «мозгами Конфедерации». И тогда я спросил, нет ли у кого-нибудь еще каких-либо возражений. Когда никто не отозвался, я поднялся из-за стола и обвел всех внимательным взглядом.

– В таком случае, – сказал я, – объявляю первое заседание правительства Конфедерации закрытым. О дате следующего заседания вы все будете оповещены дополнительно после того, как госсекретарь Бенджамин сообщит нам о своих соображениях относительно исполнения договора. Тогда мы сможем продолжить обсуждение. Все, все свободны. И да поможет нам всем Господь!

И все мы вышли из зала заседаний, не забыв перед этим поцеловать наш флаг с синим Андреевским крестом на усыпанном звездами красном фоне...

18 (6) ноября 1877 года. Гуантанамо

Правительство Конфедеративных Штатов Америки

Джефферсон Дэвис встал, выдержал паузу и торжественно произнес:

– Заседание правительства Конфедеративных Штатов Америки объявляю открытым!

Сказав это, президент Дэвис запел «Дикси». К нему присоединились все присутствующие: госсекретарь Бенджамин, секретарь финансов Рейган, военный секретарь Батлер, военноморской секретарь Семмс и генерал Форрест в качестве гостя.

Когда все расселись по своим местам, Дэвис сказал:

– Ну что, Джуда, что ты теперь скажешь о нашем договоре с Югороссией?

Бенджамин встал, раскрыл бювар с бумагами и откашлялся.

– Я впервые вижу договор, в котором я не нашёл ни единого изъяна, – сказал он. – Более того, югороссы показали себя весьма щедрыми партнерами. И, насколько я могу судить, в настоящий момент они неукоснительно выполняют все взятые на себя обязательства. Эх, если бы французы и англичане, четырнадцать лет назад гарантировавшие нам такую помощь и поддержку, выполнили хоть четверть данных мне обещаний... Да какую четверть, хоть одно! Меня удивило то, что взамен югороссы просят так мало. Ведь тихоокеанские территории они вполне могли бы получить и сами, без всякого вмешательства со стороны Конфедерации – достаточно им было бы организовать блокаду основных портов САСШ, плюс обстрел Нью-Йорка, Бостона и Балтимора. Тогда Хейз приполз бы к ним на брюхе и согласился на все их условия. Но в договоре прописаны лишь те территории, которые уже в той или иной степени принадлежали им, либо, как в случае с Орегонской территорией, были дарованы русским императором Александром Первым своим подданным, но потом захвачены САСШ и Англией. Единственным исключением является побережье от Сан-Франциско до Монтерея, которое ранее было испанским, а потом мексиканским. Но и на него у русских никак не меньше прав, чем у САСШ, захвативших эти земли в результате войны с Мексикой. И я весьма благодарен нашим русским

партнёрам за всё, что они делают для возрождения Конфедерации. Причём делают абсолютно бескорыстно. Но нужно задать себе такой вопрос: что будет после нашей победы? Ибо я верю, что победа будет за нами, и Юг будет свободным. Так вот: после победы нам придётся заново создавать экономику Юга. В первую очередь будет необходимо восстановить сельское хозяйство. И если крупный рогатый скот в Техасе или рыболовство на нашем побережье – это работа для белых жителей Конфедерации, то хлопок и табак мы привыкли производить на плантациях, которые приносили прибыль только тогда, когда на них трудились рабы. А рабство мы возвращать не собираемся.

– Джуда, – заметил секретарь финансов Рейган, – но ведь есть же система разделения продукции – когда негры работают на тех же плантациях, что и раньше, только за долю в урожае.

– Есть, – ответил Джуда, – но, судя по тому, что я читал в последние годы, была она в основном убыточна.

– Да, это так, – подтвердил генерал Батлер.

Бенджамин оглядел присутствующих и продолжил:

– Далее, джентльмены. После войны от нашей южной промышленности, и так не очень развитой, вообще остались лишь рожки да ножки. После того как Конфедерация капитулировала, янки, конечно, заново открыли некоторые наши заводы и фабрики. Но почти все они занимаются переработкой сырья, а готовый продукт потом вывозится на Север за бесценок, а потом мы получаем его же, но уже по более высокой цене.

– Увы, так и есть, – вздохнул Форрест.

– Теперь поговорим о торговле, – продолжил Бенджамин. – Вряд ли после освобождения нам удастся и далее торговать с Севером. С Мексикой же и другими странами Центральной и Южной Америки нам торговать будет практически нечем – поскольку им нужны промышленные изделия, которые мы не производим и не сможем им поставлять. Для торговли с Европой нам будет нужен современный флот. Наш торговый флот сильно устарел, а для строительства новых кораблей также понадобятся большие деньги.

– Да, – подтвердил адмирал Семмс, – сейчас почти вся торговля идёт через Бостон, Нью-Йорк и Филадельфию.

Бенджамин перевернул очередной листок в своем бюваре.

– Ну и, наконец, вопрос обустройства новых территорий. Для этого у нас банально нет средств. И, скорее всего, не будет. Портами в Южной Калифорнии мы воспользоваться не сможем – ведь туда от нас не идёт ни одной железной дороги, и в ближайшее время мы ее вряд ли построим. А путь по тропам весьма и весьма опасен, поскольку та местность просто кишит мексиканскими бандитами и воинственными индейскими племенами. Кроме того, не исключено, что и наш преступный мир потянется туда же. Ведь многие наши ветераны стали грабителями на Диком Западе, как, например, братья Фрэнк и Джесси Джеймс. Более того, весьма вероятно, что туда побегут и негры, когда узнают возможности безнаказанно заниматься грабежом и насилием. Ведь, с экономической точки зрения, им сейчас намного хуже, чем до начала Войны между Штатами. Плюс, именно они «отличились» во время Реконструкции, когда убийства и изнасилования белых были в порядке вещей, а в местном самоуправлении, да и в Конгрессе САСШ, сидели негры вперемешку с саквояжниками. В народе их ненавидят. Но они живут на Юге точно так же, как и белые, и их интересы должны хоть как-нибудь учитываться – или мы должны будем организовать их переселение в Африку. Но в этом случае нам нужно время, транспорт и деньги, чтобы выкупить земли и создать там для них поселения. Если же они останутся здесь, то наличие крупных малозаселённых территорий на Западе вполне может привести к массовой их миграции в те края и формированию там «чёрной республики» по образу и подобию Гаити, с последующей кровавой баней для белого населения и созданием очага напряжённости на западе нашей страны. Более того, и сами эти территории мы тоже потеряем.

Но если даже туда не допустить негров, все равно там будет ад крошечный. Ведь теперешнее население этих территорий состоит из гремучей смеси янки, мексиканцев и индейских племен. Можно, конечно, от них избавиться с помощью оружия – но это будет ещё одна война, на которую у нас просто не хватит ни людей, ни денег, ни времени. А восставшая Южная Калифорния вдали от основной части нашей территории ничего нам хорошего не сулит. Тем более что Мексика может вспомнить старые обиды и попросту забрать эти земли обратно.

– Так что же вы предлагаете? – спросил озадаченный Джефферсон Дэвис.

– Наше спасение – помощь Югороссии, – ответил Джуда Бенджамин. – Если мы уступим им право на все земли к западу – например, от Рио-Гранде...

– Но тогда мы потеряем выход к Тихому Океану! – воскликнул Батлер.

– Да, но то, что мы отдаём, очень похоже на белого слона из известной легенды, – сказал Бенджамин. – А ещё я попросил бы у русских кое-что взамен. Ну, например, определённую сумму в качестве безвозмездной финансовой помощи, а также дешёвого кредита. А также портовые мощности и свободную портовую зону в одном из тихоокеанских портов – например, в Лос-Анджелесе. И железную дорогу от нашей территории до этого порта – скажем, от города Санта-Фе, с правом беспрошленной перевозки грузов. Почему-то мне кажется, что югороссы на это пойдут. Тогда у нас не будет огромных бесхозных территорий на западе. Не будет и проблемы с их умиротворением. Зато будет порт на Тихоокеанском побережье с железной дорогой в Конфедерацию. Плюс, смею надеяться, средства на восстановление Дикси.

Форрест улыбнулся и добавил:

– И когда эта дорога будет построена, русские обеспечат её безопасность, и мы сможем не только снабжать их американские владения нашей продукцией, но и торговать с Азией.

– Вот именно, – сказал Бенджамин. – Кроме того, именно с русскими мы сможем в кратчайшие сроки наладить торговлю. Мы уже сразу после обретения независимости будем готовы продавать им тexasскую нефть, тexasский же скот, аппалачский уголь, луизианскую рыбу, овощи и фрукты, а также табак и хлопок. Все это мы получим от наших белых фермеров. Для этого мы учредим фермерские банки с льготными условиями кредитования, а также профинансируем компании по закупке сельскохозяйственного инвентаря. Точно так же мы сможем закупать югоросские – а возможно, и немецкие – машины для нашей промышленности, а также строить новые корабли. Ведь Чарльстон, например, издревле славился своими верфями. Только во всём моем умопостроении есть одно слабое место...

– И какое же, Джуда? – спросил президент Дэвис.

– Мистер президент, – сказал Бенджамин, – вижу, что вы согласны, и я согласен. Осталось немного – уговорить югороссов. Поэтому я прошу от вас полномочий на переговоры с послом Югороссии подполковником Ильиным.

– Конечно, Джуда, – одобительно кивнул президент Дэвис. – Но у нас ведь ещё не прошла официальная церемония вручения верительных грамот – она назначена только на следующее воскресенье.

– Мистер президент, – покачал головой Бенджамин, – я, конечно, понимаю, что дипломатический протокол к тому обязывает, но этот вопрос нужно решить как можно скорее. У подполковника Ильина, насколько я знаю, есть возможность почти мгновенно связаться по беспроводному телеграфу с Константинополем. Так что, я надеюсь, ответ мы получим не позднее завтрашнего утра – ведь в Константинополе время ровно на семь часов позже, чем здесь, в Гуантанамо.

Президент Дэвис подумал, задумчиво покрутил в руках карандаш, потом аккуратно положил его в стаканчик, стоящий на столе. Похоже, что он принял окончательное решение.

– Думаю, что ты, Джуда, прав, – сказал он. – Кто за то, чтобы принять это предложение и поручить государственному секретарю проработать этот вопрос с господином Ильиным, новым послом Югороссии при Конфедерации?

Все дружно подняли руки.

Президент Дэвис кивнул.

– Ну что ж, джентльмены, тогда давайте перейдем к другим пунктам повестки дня...

Полчаса спустя, там же

Подполковник Ильин, выслушав Бенджамина, задумался, а потом кивнул.

– Джуда, – сказал он, – мне кажется, то, что вы мне сейчас рассказали, разумно. Я немедленно свяжусь с моим правительством и дам вам знать. Единственный вопрос: на какую сумму вы рассчитываете?

Бенджамин ответил:

– САСШ получили Новую Мексику и Калифорнию за восемнадцать миллионов долларов. Конечно, с тех пор многое изменилось, да и мы отдаем всего лишь права на земли, нам еще де-факто не принадлежащие. Более того, это менее чем половина той территории, которую мы получили тогда от мексиканцев. Кроме того, мы и так перед вами в неоплатном долгу. И я бы вообще не стал бы просить у вас денег, если бы нам они не были так необходимы для восстановления Юга.

– Резонно. Тогда не могли бы более точно назвать сумму, которую вы хотели бы получить для этой цели?

– В идеале, около двадцати миллионов долларов – часть в кредит, товарами и деньгами, часть в качестве безвозмездной помощи. Конечно, не сразу, а частями. Например, по два миллиона долларов в год в течение десяти лет. Конечно, мы были бы вам очень благодарны, если бы вы выделили нам даже меньшую сумму...

– Ну что ж, – сказал, улыбнувшись, подполковник Ильин, – мне кажется, что эта сумма вполне разумная. Я сегодня же свяжусь с моим правительством и дам вам знать о его решении как можно быстрее.

19 (7) ноября 1877 года. Гуантанамо

Правительство Конфедеративных Штатов Америки, генерал Форрест, подполковник Ильин

– Господа, – сказал подполковник Ильин, достав из папки и положив на стол два листа бумаги, – мое правительство уполномочило меня принять все предложения госсекретаря мистера Бенджамина, включая и сумму запрошенной вами финансовой помощи. Вот проект дополнения к нашему соглашению.

Джефферсон Дэвис взял один из экземпляров соглашения, прочитал его, потом показал его Джуде Бенджамину, после чего подписал оба документа. То же самое сделал и Ильин.

После этого посол Югороссии посмотрел на Бенджамина и сказал:

– А теперь, господа, у меня есть для вас не очень приятная новость. По данным, полученным нашей разведкой, в Вашингтоне планируется путч, в ходе которого президент Хейз будет убит, и его заменит Вильям Вилер. Де-факто власть захватит группа заговорщиков-сенаторов, включая и известного вам господина Паттерсона. Убийцей объявят какого-нибудь южанина, и армия янки вернется в города Юга. Начнется новая Реконструкция. Что это означает, полагаю, вам объяснять не надо. Произойдет все это, по нашим сведениям, не раньше этого лета. Событиям будет предшествовать ультиматум, предъявленный Англии, с требованием передать САСШ английские владения к западу от города Йорк на озере Онтарио.

В зале воцарилось тишина. Первым заговорил Джуда Бенджамин:

– Понятно. Они убьют Хейза, когда необходимость в нем окончательно отпадет...

– Вот именно, – кивнул подполковник Ильин, – и это будет сделано не раньше, чем армия янки, выдвинутая к границам английских владений, освободится для переброски на юг.

Форрест задумался, потом сказал:

– Я вот о чем подумал. Необходимо обдумать вопрос об организации сопротивления на Юге. Мы не можем заранее открыть янки наши карты. Но мы вполне можем создать так называемые «охотничьи клубы». При этом мы еще можем опереться на наименее радикальные элементы Клана.

Президент Дэвис спросил:

– Это хорошо, но кто все это возглавит?

– Мистер президент, – ответил Форрест, – думаю, что мне все же придется отправиться на Корву, и там готовить к Ирландскому походу наш Добровольческий корпус – ведь именно он и будет ядром нашей регулярной армии. А генерал Бейзил Вилсон Дюк, который когда-то участвовал в знаменитом рейде Моргана – как мне кажется, идеальная кандидатура в качестве командующего нашим сопротивлением на Юге. Генерал Дюк недавно прибыл в Гуантанамо, так что сразу же после заседания правительства я переговорю с ним. Вопрос только в том, чем вооружать наших «охотников», поскольку выступать с охотничьими ружьями против регулярных армейских соединений – не совсем удачная мысль. Наши парни, конечно, не боятся умереть за родину, но нельзя же их подставлять под пули регулярных частей янки.

– Господа, – вступил в разговор подполковник Ильин, – если вы позволите, то я скажу пару слов по поводу вооружения планируемых вами партизанских отрядов.

– Мы всегда рады выслушать вас, – сказал президент Дэвис, – мнение боевого югоросского офицера весьма ценно для нас.

– Насколько мне известно, – продолжил Ильин, – в настоящий момент в связи с чрезвычайной слабостью своего патрона.⁴⁴–40 Winchester многозарядная винтовка Winchester Model 1873 не считается боевым оружием на территории САСШ и разрешена к свободной продаже. В то же время эта винтовка способна обеспечить чрезвычайно высокий темп стрельбы, когда один стрелок может заменить трех-четыре вооруженных однозарядными ружьями. Должен вам сказать, что на данный момент совместными усилиями оружейных мастеров и ученых Югороссии и Российской империи разработан патрон повышенной мощности стандарта.⁴⁵ Colt, начиненный новым русским бездымным порохом замедленного сгорания, изобретенным профессором Менделеевым и снаряженный сминаемой пустотелой полуболобочечной пулей оживальной формы. Генерал Форрест, именно винтовками «винчестер» под такой патрон будет вооружена большая часть бойцов вашего Добровольческого корпуса и корпуса Ирландских королевских стрелков. Дополнительным плюсом этого оружия можно считать то, что ваши люди, хоть и потеряв немного в убойной силе выстрела, смогут пользоваться трофейными боеприпасами от популярного у янки револьвера Кольт «Писмейкер». Пусть сторонники освобождения Юга приобретают винтовки «винчестера», а уж патронами мы их обеспечим.

Подполковник Ильин улыбнулся.

– Обещаю вам, джентльмены, что солдаты и офицеры янки будут поражаться пулями из «охотничьих» «винчестеров» ничуть не хуже, чем из армейских винтовок. Тем более что во время партизанских действий, в основном происходящих в населенных пунктах, дистанция, с которой ведется огонь, чрезвычайно мала, и «винчестеры» с их высоким темпом стрельбы окажутся даже более смертоносным оружием, чем армейские ружья янки.

– Мистер Ильин, а бездымный порох или пироксилин действительно мощнее черного пороха? – заинтересованно спросил генерал Форрест. – И подойдет ли он для ружейных патронов – ведь от него давно уже отказались, поскольку он при стрельбе сильно портит оружие. В чем же секрет вашего пороха?

Подполковник Ильин немного подумал, а потом ответил:

– Видите ли, все дело в том, что портит оружие непереработанный порошкообразный пироксилин, который, обладая очень большой скоростью горения, по сути, взрывается в стволе. Профессору Менделееву удалось перевести пироксилин в растворимую в воде форму с последующей его грануляцией. Поскольку горение идет только по поверхности гранулы, то получается, что чем она крупнее, тем медленнее сгорает заряд. Теперь давайте сравним револьвер Кольта и винтовку «винчестер». У револьвера длина ствола шесть дюймов, а у винтовки – двадцать четыре, из-за чего в «винчестере» при расширении пороховых газов давление на пулю постоянно ослабевает. Чтобы поддерживать в стволе «винчестера» постоянное давление, равное начальному револьверному, необходим заряд пороха, который будет гореть в два с половиной раза дольше и выделит при этом в четыре раза больше газов. Причем скорость горения должна быть минимальной в начале выстрела, и максимальной в конце, когда пуля прошла уже примерно пять шестых своего пути по стволу. Не буду раскрывать всех наших секретов, но скажу, что инженерам Югороссии удалось этого добиться и получить патрон с нужными характеристиками и с вполне приличной начальной скоростью пули в тысячу шестьсот футов в секунду. Примерно через две недели со следующим конвоем сюда привезут ящик таких патронов из пробной партии, произведенной Константинопольским Арсеналом. Тогда вы сами сможете убедиться, что все сказанное сейчас мною соответствует действительности.

Президент Девис и генерал Форрест переглянулись.

– Очень хорошо, мистер Ильин, – сказал генерал Форрест, – поскольку у нас нет оснований не верить вам на слово, то мы немедленно отдадим своим людям команду покупать «винчестеры» где только можно. Надеюсь, что вы еще не раз поделитесь с нами своим богатым боевым опытом.

20 (8) ноября 1877 года. 11:25. Гатчинский дворец, кабинет Государя

Известие из Константинополя о том, что его сын Георгий, возможно, болен туберкулезом, огорчил императора. Александр хорошо знал об этой страшной болезни. От туберкулеза умерла его мать – императрица Мария Александровна, и старший брат Николай. Необходимо было начать борьбу с этой проклятой болезнью. Югороссы как-то научились лечить туберкулез. Но одним им просто невозможно вылечить всех больных в Российской империи. Поэтому надо создать центр по борьбе с туберкулезом – и не только с ним. И возглавить его должен сведущий в этом человек.

Лучшей кандидатурой на эту должность, как подсказали императору югороссы, оказался тридцатидвухлетний профессор Одесского университета Илья Ильич Мечников. Именно ему император Александр III чуть больше двух недель тому назад послал приглашение прибыть в Санкт-Петербург для важного разговора.

И вот адъютант принес известие, что профессор Мечников здесь, в Гатчине, и спрашивает, когда император сможет его принять.

– Немедленно пригласи его, и сообщи штабс-капитану Бесоеву, что профессор прибыл, и что я жду его с соответствующими бумагами, – сказал царь-грузеник, еще раз просматривая разложенные на столе документы по запутанному крестьянскому вопросу – сейчас, пожалуй, самому важному вопросу Империи.

С начала Реформы прошло шестнадцать лет, но ее ядовитые плоды уже видны невооруженным глазом. Нищают не только крестьяне – разоряются дворяне, забросившие хозяйство и берущие деньги в Дворянском банке под залог своих имений. Падают и урожаи.

Хуже всего обстоят дела в тех губерниях, где практикуется ежегодный передел земельных паев по количеству едоков. За ничьей землей никто не ухаживает, мужики не вносят в нее

даже навоза из-под собственной скотины (у кого эта скотина, конечно, есть), и сеют, сеют из года в год пшеницу по пшенице.

В результате земля истощается, пустеет. И обычным становится позорнейший урожай сам-пять. В стремлении увеличить количество едоков мужики заставляют своих жен рожать без счета. И так же без счета невинные младенцы мрут от плохих условий жизни и болезней.

Посланные императором в народ как на рекогносцировку во вражеский тыл, с заданием увидеть и доложить, молодые офицеры, слушатели Академии Генерального штаба, каждый день доносят все новые и новые подробности творящихся в России безобразий. Не по-христиански все происходящее, и не по-хозяйски.

Государство Российское тоже хорошо подсело на выкупные платежи, которые составляют более половины бюджета. И не может казна теперь без них, как пьяница без выпивки. Никто даже и не додумался о других источниках дохода. Недоимки по этим платежам растут. Растут и суммы, выданные под залог Дворянским банком. А жиреют на всем этом хлебные спекулянты. Можно, конечно, начать с того, что взять внутреннюю и внешнюю торговлю хлебом в казну. Но для этого потребуются организовывать целое ведомство, на которое поставить надежного, проверенного и способного человека. Оборот хлеба в Империи и поставка его на экспорт – это же целая наука, где ум нужен поболее губернаторского. Проект указа о хлебной монополии уже лежит у императора в сейфе. Дело было лишь за подходящей кандидатурой начальника соответствующей государственной конторы. Хлебных спекулянтов императору было совсем не жаль. Если им не нравится в России, пусть уматывают хоть в Европу, хоть в Америку, хоть к черту на кулички.

Вздыхнув, Александр III собрал бумаги по крестьянскому вопросу и убрал их в сейф. Их время еще придет. А сейчас...

– Профессор Илья Мечников, – сказал вошедший адъютант.

– Проси, – ответил император и добавил: – да, и поторопи там штабс-капитана Бесоева.

– Уже идет, – ответил адъютант, прислушиваясь к шагам в коридоре, – сейчас будет.

– Ну и хорошо, – кивнул Александр III, – пригласи пока профессора.

Профессор Илья Мечников оказался довольно молодым человеком, ровесником императора. У него была густая черная борода и маленькие железные очки на большом породистом носу. Портрет профессора дополняли большие руки, которые он не знал куда девать.

– Здравствуйте, Ваше величество, – смущенно произнес он. – Вы меня звали?

Императору эта робость и неуклюжесть профессора понравились. Зачастую бывает так, что если человеку даден талант, то он лишается какой-то доли здоровой наглости и способности к интригам. История с забаллотированием Мечникова в профессора Военно-медицинской академии это только подтверждает. Был бы интриганом – прошел бы как миленький. Таких людей необходимо все время поддерживать и опекать. Но и они тоже не останутся в долгу, принеся много пользы своему Отечеству. Император знал это опыту общения с Менделеевым. Сразу видно – они одного поля ягоды.

В ТОТ раз поддержку Мечникову оказал французский институт Пастера, и он же снял урожай с его гениальных открытий. В ЭТОТ раз великому ученому поможет не француз, а сам император Александр III.

– Здравствуйте, Илья Ильич, – сказал царь, – да, я вас звал. Проходите, садитесь. Разговор у нас будет очень интересный.

В этот момент в дверь сунул голову адъютант.

– Штабс-капитан Бесоев, – доложил он. – Пригласить?

– Конечно, – сказал император, – зачем ты спрашиваешь дважды об одном и тому же?

На вошедшего Николая Бесоева, держащего в руках тонкую папку, профессор Мечников сразу же посмотрел неприязненным взглядом. По мнению интеллигентов того (да и не

только того) времени, молодой блестящий офицер мог быть лишь тупым солдафоном, очередным изданием Скалозуба.

Не обращая внимания на недоброжелательный взгляд профессора, он поздоровался с императором, а потом и с самим Мечниковым.

– Добрый день, Ваше величество, – сказал он, – здравствуйте, Илья Ильич. Приступим?

– Николай Арсеньевич, является моим советником по многим вопросам, в том числе и научным, – пояснил император Мечникову. – Да вы не обращайтесь внимания на его мундир. Он югоросс, и он временно прикомандирован ко мне.

– Югоросс? – переспросил Мечников. – Это, конечно, совсем другое дело. Здравствуйте, Николай Арсеньевич. Вы уж на меня не обижайтесь – я поначалу принял вас за обычного служаку, который выше науки о подмывании лошадиных хвостов не поднимался.

– Ну вот и хорошо, Илья Ильич, что вы все поняли, – сказал император, – только служаки наших вы тоже не обижайте. Служат они России не за деньги, а за совесть, и живота своего при этом не жалеют. Знание о том, как надо ухаживать за лошадьми – тоже вещь нужная.

Мечников растерянно пожал плечами, показывая, что он извиняется за бестактность, да и только. Император в ответ посмотрел на него, потом на Бесоева, и сказал:

– Собственно, Илья Ильич, я пригласил вас, чтобы предложить вам организовать в Санкт-Петербурге, а потом и возглавить Российский Императорский институт микробиологии, а Николай Арсеньевич должен помочь очертить рамки вашей будущей деятельности. Ну как, вы согласны?

– Институт микробиологии? – растерянно переспросил профессор. – Ваше величество, а как же господин Победоносцев и прочие наши ретрограды от церкви? Они непременно будут против.

– Господина Победоносцева с ретроградами оставьте мне, – сухо заметил император, – Свое мнение они пусть оставят при себе. Вас оно тоже не должно волновать абсолютно. Главное – дело.

– Тогда я согласен, – кивнул приободрившийся Мечников. – А что я должен буду делать?

– Так сразу сложно сказать, – задумчиво ответил император, – вы должны будете заниматься всем, что связано с нашими маленькими врагами – микробами. У нас огромная страна, в которой ежегодно случаются эпидемии. Народ умирает от холеры, дизентерии, дифтерии, тифа, кори и оспы. А на юге у нас существуют очаги чумы. Только этого нам не хватало, прости Господи... В госпиталях на войне солдаты массово мрут от горячки или же «антонова огня», который тоже случается от попавших в рану болезнетворных микробов. Ваш институт должен изучать как сами эти болезни, так и способы их распространения, методы защиты от них и формы лечения, включая поиск новых вакцин и лекарств. Не стоит забывать и о других микроорганизмах, что приносят людям пользу. Я имею в виду разного рода молочнокислые бактерии и палочки, кефирные грибки, винные и хлебные дрожжи и сырную плесень. Тут вам предстоит заняться поиском наилучших их разновидностей, пригодных для употребления людьми. Как видите, перед вашим визитом, Илья Ильич, я тоже интересовался этим вопросом, и понимаю, сколько новых открытий вы еще сделаете.

– Поговорите с вашим знакомым, господином Сеченовым, – добавил Николай Бесоев, – быть может, его заинтересует исследование физиологии естественного человеческого иммунитета. Этой темой он еще, кажется, не занимался.

– Иммунитета? – переспросил Мечников.

– Иммунитет – это естественное или искусственное свойство организма сопротивляться вторжению болезнетворных агентов, – пояснил Бесоев. – Искусственный иммунитет к оспе, например, возникает в результате оспенной прививки.

– Ах да, – сказал Мечников, – конечно же, это очень важно. Я бы и сам с удовольствием поработал над этим вопросом.

– Ну, вот и договорились, – довольно сказал император, доставая из ящика стола какую-то бумажку. – Это ассигновка на десять тысяч рублей. Думаю, они вам пригодятся для начала вашей работы...

– Да что вы! – замахал руками Мечников, – зачем мне такие огромные деньги?

– Берите, – строго сказал император, – считайте, что это аванс. Снимайте квартиру, вызывайте сюда супругу, и, самое главное, составьте смету, в которой укажите, какие средства и инструменты вам понадобятся для начала работы вашего нового института. Как будет все готово, сразу же ко мне. А я вам пока какой-нибудь дворец для размещения института подберу, с расчетом, что называется, на вырост.

– Боже правый, как это все неожиданно... – смущенный, сказал Мечников, пряча ассигновку в нагрудный карман своего сюртука.

– Вы же прекрасно знаете, Илья Ильич, – наставительно сказал император, – что все прекрасные начинания обычно упираются в отсутствие финансирования.

– А это вам от меня, – сказал Бесоев, протягивая Мечникову папку, которую принес с собой. – Тут для вас есть несколько подсказок на начальный период работы.

Мечников открыл папку и стал читать первый лист, который был озаглавлен «Плесневый гриб пенициллум», после чего принялся быстро-быстро листать содержимое папки.

– Извините, Ваше величество, – сказал он, покрасневшись от волнения, с трудом оторвавшись от чтения, – вот это воистину царский подарок! Тут столько новых идей!

– Ладно уже, – махнул рукой император. – Илья Ильич, раз мы с вами обо всем договорились, то вы можете идти. Через несколько дней жду вас с докладом.

– Разумеется, – сказал тот, вставая и кланяясь царю, – всего вам доброго.

– И вам того же, Илья Ильич, – ответил император и посмотрел на Бесоева. – А вот вас, Николай Арсеньевич, я попрошу остаться. Есть очень важный разговор.

21 (9) ноября 1877 года, Полдень, крепость Баязет

Подполковник Российской армии Ковалевский Александр Викентьевич

Со времени нашего чудесного спасения от войск Фаик-паши прошло почти полгода. Но порой мне кажется, что это было еще вчера. До сих пор при воспоминании о том страшном дне меня не оставляет трепет и благоговейный ужас. Хотя сейчас я уже знаю о тех событиях куда больше, чем тогда.

Тогда турецкие войска еще сражались, но Оттоманская Порта уже была смертельно ранена, сраженная в самое сердце одним коротким ударом безжалостных к злодеям суровых пришельцев из будущего, русских по крови и по духу. Это они, не забыв о случившейся в их прошлом гибели маленького русского отряда, прислали нам на помощь крылатый эскадрон небесного воинства.

Уже три месяца прошло с тех пор, как моя Сашенька призналась мне, что она непраздна и носит под сердцем наше дитя. Мы посоветовались и решили, что если родится мальчик, то мы назовем его Виктором в честь владыки Югороссии адмирала Виктора Ларионова, приславшего нам так нужную нам помощь. Если же будет девочка, то мы не станем называть ее именем сошедшей недавно с ума величайшей злодейки в истории, британской королевы, а наречем ее Ириной, в честь супруги Великого князя Болгарии Сергея Лейхтенбергского. Доктор Сивицкий регулярно осматривает Сашеньку, и говорит, что все у нее будет хорошо.

Вскоре после нашего чудесного спасения я был вновь назначен командовать гарнизоном Баязета, а подполковник Пацевич был отозван в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила Николаевича. И, как мы узнали позднее, он был предан

военному суду за проявленное им безрассудство, граничащее с безумием. Поскольку он проявил личную храбрость, выступив вместе с нашим отрядом, и учитывая, что все кончилось благополучно, суд счел возможным ограничить наказание отставкой его без мундира и пенсии. Как говорится: вот и все об этом человеке.

Дни шли за днями, известия о том, что творится в мире, доходили до нас с большим опозданием, и нам даже казалось, что мы всеми забыты в этом проклятом, никому не нужном городишке.

Еще до отстранения подполковника Пацевича на подкрепление нашего гарнизона прибыли три сотни Эриванского конно-иррегулярного полка под командованием полковника Исмаил-хана Нахичеванского, которого я попросил принять начальство над всей нашей кавалерией, достигшей численности в тысячу сабель.

В то время как, взяв Карс и Эрзерум, вся русская кавказская армия ушла вперед, нашему отряду было поручено охранять порядок на транспортных путях в окрестностях Баязета, истребляя разбойничьи банды, в которые превратились остатки турецкого войска. Особенно свирепствовали курды, грабящие караваны и приводящие к запустению и без того скудную торговлю.

Полковник Исмаил-хан Нахичеванский взялся за это дело с необычайным рвением. Казаки и его иррегулярная конница, составленная из верных России кавказских инородцев магометанского исповедания, наводили на разбойников ужас. И вскоре местность вокруг Баязета была приведена к полному спокойствию. Чтобы солдаты не расслаблялись в безделье, я начал проводить с ними полевые занятия, тренируя их для ведения войны в горах. Горцы полковника Исмаил-хана учили моих ставропольцев и крымцев, как надо двигаться по горным тропам, как организовывать засады и как отступать, попав в неприятное положение.

Тем временем события в далеком от нас мире шли своим чередом, и известия о них доходили до нас с большим опозданием. Новости о разгроме югороссами британского флота, о завершении Балканской кампании, о взятии болгарской столицы, о захвате нашими матросами и конницей Суэцкого канала, а также о водружении на купол Святой Софии православного креста мы встретили нами с большими воодушевлением. Зловредной Британской империи был поставлен шах и мат. Некоторое время спустя нас сильно опечалило и возмутило известие об убийстве государя-императора Александра II. То, что убийцы были сразу же схвачены на месте преступления, ничуть не умаляло всей трагичности произошедшего.

Новость же о заключении в Петербурге тройственного союза между Российской империей, Югороссией и Германией, иначе именуемого Континентальным Альянсом, привела нас в восторг. Объединились три сильнейших державы мира, превратив все остальные государства в обычных статистов. От самого названия этого союза веет какой-то несокрушимой мощью.

Как только договор был подписан, новый российский император Александр III объявил о включении Западной Армении в состав Российской Империи, и о подготовке нового похода Кавказской армии. Ей предстоял путь в Сирию и Палестину, освободить томящееся под гнетом противников нашей веры древнее христианское население этих земель.

Знающие люди из числа армейских офицеров поговаривали, что в Петербурге попросту разделили мир. России достались Балканы и вся Азия, Германии – остальная Европа и Африка. Что же получили югороссы, пока не ясно. Но в последнее время они стали сильно интересоваться американскими делами.

Ох уж мне эти штабные всезнайки... Хотя все может быть. Если так, то не за горами падение Франции и лоскутной Австрийской империи. В последнее время я разучился удивляться, и все события воспринимаю такими, как они есть, не ища за ними тайных подоплек.

Примерно с сентября у нас в крепости стали создаваться большие запасы провианта, фуража, амуниции и огнеприпасов. Причем, патроны в основном завозились к винтовкам Бердана, которых у нас отродясь не было. Недоумение мое длилось недолго. Вскоре стало

известно, что через наш забытый Богом и людьми Баязет по дороге Эрзерум-Тебриз пройдет Экспедиционный Персидский корпус под командой генерала Михаила Скобелева.

Так уж получилось, что наш Баязет оказался последним русским гарнизоном на замиренной уже земле. Далее их путь будет пролегать на Тебриз по персидской земле с большей частью недружественным нам населением. Кстати, полковник Исмаил-хан Нахичеванский уже получил предписание Главнокомандующего присоединиться к Персидскому Экспедиционному корпусу вместе со своими тремя сотнями Эриванского иррегулярного ополчения. Жаль, мне будет очень не хватать этого опытного и храброго воина, начавшего свой боевой путь еще в Крымскую войну. Но, наверное, в Персии он будет нужнее.

В ожидании Персидского корпуса закончился сентябрь, прошел октябрь. В октябре сухая солнечная погода сменилась затяжными морозящими дождями. А к началу ноября по ночам дожди стали переходить в мокрый снег. Иногда небо все же разяснялось, и тогда, радуя нас своими нежаркими лучами, сквозь легкие облака проглядывало неяркое осеннее солнце. Насколько мы проклинали это палящее светило летом, настолько же мы были рады ему сейчас.

Если в начале сентября я получил выговор от моего непосредственного начальника генерала Тер-Гукасова за напрасную порчу военного имущества и расход боеприпасов, производимых моими солдатами во время полевых учений, то уже в октябре на мое имя поступил именной рескрипт государя, которым за успехи по службе я производился в полковники. Так же государь повелевал на базе Баязетского гарнизона сформировать первый в Русской императорской армии горно-егерский полк, подчиненный напрямую главнокомандующему Кавказской армией. Чуть позже с очередным обозом на доукомплектование полка пришли четыре роты новобранцев призыва этого года и отдельная рота кубанских пластунов.

Сроком полной готовности полка к выступлению был указано Рождество Христово. Тогда я понял, что время моего баязетского сидения вскоре закончится. Супруга моя ужасно тревожилась за меня. Но так было во все времена, когда русские женщины провожали своих мужей, отправлявшихся на войну.

Несмотря на плохую погоду, горные марши, ротные и батальонные учения закипели с удвоенной силой. Важно было успеть подготовить новобранцев и оправдать доверие государя.

Тем временем наши склады все время пополнялись, а генерал Скобелев со своим Персидским корпусом все не появлялся, хотя, по слухам, был уже совсем близко. С обозами пришло дополнительное вооружение и снаряжение и для моего вновь формируемого полка. Четыре картечницы Гатлинг-Горлова, поступившие вместе с расчетами и боезапасом, должны были составить полковую скорострельную батарею. А тремя сотнями многозарядных винтовок Винчестера предстояло вооружить солдат скорострельных взводов. Таких взводов в полку было велено иметь девять, по одному в каждой роте. Эти винтовки были захвачены нашей армией после капитуляции турок на Балканах, и вот теперь им тоже нашлось применение.

В самое ближайшее время нам обещали прислать какие-то совершенно чудесные патроны к этим винтовкам, а также винтовки Бердана № 2 для остальных солдат, взамен наших ружей системы Карле.

И вот настал тот день, когда казацьи разъезды принесли весть о том, что генерал Скобелев со своим корпусом уже совсем близко. Встречать героев Персидского похода высыпали все свободные от службы офицеры и нижние чины. Шедший утром дождь совершенно прекратился, и в разрывах облаков даже стало проглядывать голубое небо. Впереди войск ехала группа всадников, в которой сразу можно было угадать начальство. А за ними в походной колонне шагали батальоны сводной Гвардейской бригады – по одному от Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Павловского и Финляндского полков.

Сначала нам показалось, что идет вовсе не русская армия – настолько непривычен был глазу покрой солдатской формы, построенной из тусклой серо-зеленой ткани, совершенно не бросавшейся в глаза.

Я вытащил из футляра свою старую добрую подзорную трубу и прикинул к окуляру. Вместо привычных шинелей на солдатах были короткие стеганые куртки, прикрытые сверху непромокаемыми плащ-накидками из гуттаперчи, с капюшонами, под которыми солдаты несли на плечах свои винтовки, противу всем уставам, стволом вниз.

Ротные колонны выглядели совершенно однородно. Нигде не было видно ни золотого шитья, ни галунов так любимыми нашими офицерами, не блестел серебром и золотом полированный металл. Меня поразило мрачное величие хорошо сработанной боевой машины, в которой нет ничего лишнего – одна лишь голая целесообразность на пути к победе.

Несмотря на усталость, гвардейцы шагали бодро. Вслед за ротными колоннами ехали по две упряжки с картечными Гатлинг-Горлова, а за ними пароконные повозки – очевидно с военным имуществом. Дымились какие-то странные сооружения на колесах, которые, как я потом узнал, были походными полевыми кухнями. Солдат идет, а обед варится.

В этот момент я подумал, что, встретиться мы с Фаик-пашой, имея на каждую пехотную роту и сотню кавалерии по две таких картечные – еще неизвестно, чем закончилось бы это побоище, даже без помощи наших крылатых ангелов-хранителей. Всем ведь известно уничтожающее действие картечных по плотным рядам кавалерии и пехоты, которыми наступали на нас турки.

Следом за Гвардейской бригадой из-за поворота дороги показались так же обмундированные и снаряженные полки Гренадерской дивизии, а за ними – Кубанский отдельный пластунский батальон. Далее шла саперная бригада, за которой следовала кавалерия и артиллерия.

Чуть позже я узнал, что в распоряжении генерала Скобелева было двенадцать тысяч штыков, семь тысяч сабель, при трехстах картечных Гатлинг-Горлова и сорока восьми четырехфунтовых железных орудиях Круппа – лучших полевых пушках на данный момент в мире.

Прошел час, прежде чем голова колонны дошагала до ворот крепости. Мы с моими офицерами вышли навстречу едущим впереди нее всадникам, среди которых генерала Скобелева можно было узнать по широкой окладистой бороде и таким же тусклым, как и его мундир, серо-зеленым эполетам. Еще один офицер свиты генерала носил бороду, а двое других были гладко выбриты, загорелы, и имели вид людей бывалых и умелых.

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – приветствовал я генерала. – Разрешите представиться – полковник Ковалевский Александр Викентьевич, командир недавно сформированного Первого Горно-егерского полка и начальник гарнизона Баязета.

Генерал легко соскочил с белого жеребца. Вслед за ним спешили и остальные офицеры.

– Здравствуйте, Александр Викентьевич, – сказал он, – слышан о вас, слышан. В Эрзеруме только и говорят о вас и о вашем полке. А теперь я представлю вам моих спутников: мой главный военный советник полковник армии Югороссии Бережной Вячеслав Николаевич, мой главный политический советник майор государственной безопасности Югороссии Османов Мехмед Ибрагимович, командир сводной гвардейской бригады полковник Гриппенберг Оскар-Фердинанд Казимирович. Прошу, как говорится, любить и жаловать.

В ответ я представил прибывшим своим офицеров, включая полковника Исмаил-хана Нахичеванского, поняв, откуда взялись все эти новшества в Персидском корпусе. Надо будет хорошенько расспросить наших гостей, чтобы и мне не упустить чего-то важного.

– Но сейчас прежде всего о деле, – сказал генерал. – Солдат надо немедленно разместить под крышей, ну а кормежка у нас своя. Пробудем мы у вас три дня, так что не обессудьте, если будет немного тесновато.

– Никакой тесноты, – сказал я, – округа совершенно замирена, так что для большей части ваших солдат и офицеров приготовлены квартиры в городе, в домах бежавших от нашей армии

турок. Я сейчас выделю офицеров, которые и разведут ваши части по квартирам. А вас, Ваше превосходительство, вместе со штабом я попрошу быть моим гостем. Прошу проехать в цитадель. Там для вашего корпуса приготовлены припасы. Передачу их в ваше ведение мы можем начать немедленно, как только закончим расквартирование.

Генерал Скобелев пожал мне руку.

– Замечательно, Александр Викеньевич, – сказал он. – Ну что ж – за дело так за дело!

18 (6) ноября 1877 года. Константинополь

Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, более известный как Марк Твен, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд»

Гераклит сказал, что невозможно два раза вступить в одну и ту же реку. То же самое можно сказать и про этот город. Мне вспоминается мой первый визит в Константинополь, в то время еще называвшийся Стамбулом. Тогда я писал, что, кроме живописности, он не радует ничем, и что с той минуты, когда покидаешь корабль, и до самого возвращения на него не устаешь проклинать этот город. Грязь, зловоние, нищета...

Я был не очень рад перспективе возвращения в Константинополь. И действительно: с борта французского лайнера «Амазон» город выглядел примерно так же, как тогда – весьма живописным. Мечети – такие, как Голубая мечеть и Сулеймание, выглядели такими же запущенными, как и в год моего первого визита. Разве что Святая София оказалась намного чище. Тут я увидел, что настоящий цвет ее стен – не серо-буро-малиновый, а именно красный. И на ее куполе вместо полумесяца гордо высился огромный православный крест, огненно-золотой под лучами осеннего полуденного солнца.

Еще одной приметой нового времени были большие военные корабли, стоявшие на якоре напротив бывшего султанского дворца Долмабахче, над которыми реяли белые флаги с синим косым крестом, указывая на их принадлежность к русскому военному флоту. Один из этих кораблей был огромным, странной конструкции, с высоким бортом, плоской, как поле для игры в гольф, палубой и загнутым вверх наподобие утиного клюва носом. Этот корабль был больше любого другого, существующего где-либо в мире. Он был больше даже знаменитого «Грейт-Истерна».

В прошлый раз мы переправились на берег на борту турецкой лодки – каика. Теперь таких каиков в порту не было, хотя кое-где по пути сюда они нам и попадались. В этот раз «Амазон» пристал прямо к новехонькому пирсу, блиставшему чистотой.

Пройдя мимо солдат европейской внешности, в пятнистой форме, с надвинутыми на одно ухо зелеными беретами, пассажиры «Амазона» и ваш покорный слуга попали на паспортно-таможенный контроль, пройдя его безо всяких проблем. Таможенник, взявший у меня документы (внешне похожий на турка, но одетый в чистую отглаженную форму, что совсем удивительно), не потребовал бакшиш. Разговаривая со мной, он был доброжелателен, а когда пролистал мой паспорт, вдруг сказал:

– Простите, сэръ, но вы не тот ли знаменитый писатель Марк Твен? Мне так нравится ваш «Том Соьер»! Добро пожаловать в Константинополь!

Приятно, не скрою, когда тебя узнают даже на другом конце света. Я спросил у него, где мне лучше остановиться. Таможенник порекомендовал новый отель «Ибрагим-паша», и на прощанье взял под козырек.

Закончив с пограничными формальностями, я вышел на улицу и осмотрелся. При этом нанятый мною тут же на пирсе носильщик-грек вез за мной тележку с багажом. «Да, – подумал я, – теперь нужен глаз да глаз».

В тот раз невозможно было отбиться от нищих, которые постоянно хватали меня под руку и требовали бакшиш, а так же торговцев в грязных одеяниях, напропалую пытавшихся всучить мне свои товары. Да и воров тогда тоже было предостаточно. В прошлый раз мне очень повезло в том, что я ночевал на корабле, и у меня было нечего красть.

Теперь же на улице было чисто и аккуратно. Прохожие практически все были одеты по-европейски, а не в грязную и пеструю одежду, как в мой прошлый визит. На некоторых, правда, были костюмы в национальном стиле, но тоже чистые и не очень поношенные. Уже позже я узнал, что появление на городской улице в непотребном виде или другое нарушение общественного порядка карается тут десятью-пятнадцатью сутками общественных работ.

У стоянки извозчиков на столбе висел преёскурант с вполне разумными ценами. А рядом в небольшом банке пожилой грек менял деньги. С того моего визита я знал, что грекам верить нельзя. Но сумма, с учетом указанной комиссии, точно соответствовала тому количеству долларов, которые я менял.

И тут меня возникло подозрение, что люди, которые полгода назад захватили Стамбул и переименовали его обратно в Константинополь, просто подменили этот город. Тот, старый Константинополь был больше всего похож на цирк, по которому бегали толпы мошенников и стаи бродячих собак, и где у меня было лишь одно желание: поскорее вернуться на свой корабль и отплыть куда угодно – хоть в Россию, хоть в Италию...

Да, я совсем не хотел ехать в это путешествие. Но мне пришлось это сделать. Не всегда мы повелеваем обстоятельствами, иногда обстоятельства довлеют над нами.

А началось все так. Восемнадцатого октября мне принесли письмо от Уайтлоу Рида, хозяина газет «Нью-Йорк Геральд» и «Нью-Йорк Трайбьюн». Он настоятельно просил меня прийти к нему в Нью-Йорк, пообещав «предложение, от которого невозможно отказаться». В письмо был вложен билет первого класса на поезд Хартфорд – Нью-Йорк и несколько долларовых купюр на оплату кучера.

Я бы не поехал в Нью-Йорк, но содержать дом из двадцати восьми комнат, который я купил по настоянию моей Оливии, было весьма накладно. А мои последние инвестиции вполне могли бы послужить темой для пары моих рассказов – юмористических и с предсказуемо грустным концом.

Так что вместо того, чтобы гордо проигнорировать приглашение, на следующий день я уже сидел в кабинете у мистера Рида, имея на лице довольно-таки умильное выражение. После обычных в последнее время восторгов по поводу «Тома Сойера» он сказал:

– Мистер Клеменс, я хочу предложить вам небольшую поездку за границу. Полностью за счет газеты и за хороший гонорар. Я знаю, что вы неплохо зарабатываете в качестве литератора, но мы готовы предложить вам сумму, которая более чем компенсирует задержку с выходом вашей следующей книги.

Я не стал ему говорить, что в данный момент я никакой книги не пишу, и величественно (по крайней мере, так мне показалось) кивнул головой. Тем более что сумма, которую он мне назвал, была настолько внушительной, что гонорары от большинства моих книг удавились бы от зависти, если бы у них была шея.

– А что мне придется делать? – поинтересовался я.

– Вам следует отправиться в Константинополь, – ответил мистер Рид. – Читателей «Нью-Йорк Геральд» очень интересует таинственная Югороссия, и все, что с ней связано. Напишите цикл путевых заметок – и о городе, и о стране, и о ее новых правителях. Названную вам сумму мы заплатим за шесть газетных статей по две газетных полосы каждая. Если вы напишете еще и про дорогу туда, либо про посещение других стран по дороге домой, то это будет оплачено

отдельно. – И он назвал мне цифру – хоть и меньшую, чем предыдущая, но тоже весьма и весьма привлекательную. – Только постарайтесь прибыть туда как можно скорее, ведь наши конкуренты не дремлют.

Да, мое предыдущее посещение Константинополя трудно было назвать приятным. Но последние вечерние туалеты, заказанные Оливией, вот-вот должны были пробить немалую брешь в семейном бюджете. И я дружески пожал руку мистера Рида, получил аванс, билет на пароход, и деньги на расходы на ближайшее время, и вернулся домой в Хартфорд.

Моя дорогая Оливия сначала приуныла, но когда она узнала про ту сумму, которые мне обещал Рид, быстро в уме посчитала и бросилась паковать мои чемоданы. На следующий день ранним утром она форменным образом вытолкнула меня за порог – чтобы я не опоздал на свой пароход, принадлежавший французским почтовым линиям.

Потом были Бордо, Марсель, Неаполь, Пирей, и, наконец, Константинополь, по которому я сейчас ехал на весьма удобной пролетке по недавно уложенной мостовой. По крайней мере, в прошлый мой визит тут была сплошная грязь. Когда я сел в пролетку, извозчик, тоже грек, рассыпался в комплиментах по поводу моего «Тома Сойера». Они что, все там сговорились?

И вдруг я увидел книжный магазин, на витрине которого красовались книги, а также портреты писателей, среди которых я узнал Александра Пушкина, Виктора Гюго и... вашего покорного слугу.

По дороге нам повсюду попадались расставленные на расстоянии прямой видимости одетые в чистую синюю форму полисмены, которых тут называли «gorodovie». Кроме формы, их отличали от всех прочих обывателей три непеременимых атрибута: свисток на шее, кобура с большим револьвером на поясе, а также дубинка литого каучука.

По дороге мы проехали мимо большого дома, возле которого бегали и играли дети самых разных возрастов в чистенькой одежде. Я спросил у извозчика:

– Что там находится?

– Школа, сэр, – ответил он. – До освобождения города там жил один купец – хоть и грек, но большой мерзавец. Он давал деньги в рост под большие проценты, причем своим же, и наживался на поставках в турецкую армию. Когда пришли русские, они сразу прижали его к ногтю, сказав, что он «vrag naroda». Купца судили и повесили, а все его имущество было конфисковано в казну. Так ему и надо, негодяю. Теперь в этом доме наши дети бесплатно учатся русскому языку, письму и арифметике.

Наконец мы доехали до гостиницы, располагавшейся в прекрасном, недавно отремонтированном дворце, построенном в восточном стиле. И тут извозчик, хоть он и был греком, взял с меня ровно столько, сколько было указано на таксометре (я уже видел подобные устройства в Париже), более того, когда я хотел дать ему чаевые, то он взял только двугривенный.

Чем дальше, тем больше я убеждался, что Константинополь подменили. Где тот город? Где карлики, женщины с тремя ногами, гавкающие псы, тюрбаны, попрошайки?

И тут к пролетке подбежали несколько человек в шароварах и фесках. Двое схватились за мой багаж. Я чуть не обрадовался – нет, не все еще здесь изменилось. Но тут старший мне сказал:

– Мистер Клеменс, добро пожаловать в отель «Ибрагим-паша»! Не беспокойтесь, ваш багаж доставят прямо в номер.

«Воришки», увы, оказались всего лишь сотрудниками гостиницы, одетыми в национальные одежды ради придания соответствующего колорита. А несносный портъе продолжал:

– Мистер Клеменс, я истинный поклонник вашего творчества. Особенно мне нравится «Жизнь на Миссисипи».

«Ну хоть не „Том Сойер“», – подумал я, входя в отель, дверь в который открыл мне с поклоном портъе.

В безукоризненно чистом холле улыбчивый клерк вписал меня в книгу постояльцев, посмотрел на мой паспорт, и вдруг спросил:

– Сэр, не вы ли тот самый знаменитый писатель Марк Твен?

Тут я подумал, что если и этот скажет мне сейчас что-нибудь про «Тома Сойера», то я, наверное, совершу первое в своей жизни убийство. Но я сдержался и сказал:

– Да, тот самый, собственной персоной.

– Сэр, – сказал портье, – у меня для вас сообщение от господина Тамбовцева, канцлера Югороссии.

И он передал мне сложенный вдвое лист бумаги. Откуда этот мистер Тамбовцев знал, что я окажусь в этой гостинице? Конечно, ему об этом мог сообщить таможенник, но каким образом? И как так получилось, что послание так быстро оказалось в гостинице?

Попутно я обратил внимание, что на доске за спиной портье сиротливо висят всего несколько ключей. Остальные же номера были, безусловно, заняты. Когда я спросил портье о причине такой популярности его недешевого отеля, то он со вздохом ответил:

– Вы вовремя приехали, сэр. Уже к вечеру мест не останется совсем. Завтра с Кубы приходит очередной конвой, и сейчас на аукцион собираются оптовики, приехавшие сюда со всей Европы. Двадцать тысяч тонн товаров: сахара, кубинского рома и гаванских сигар, а также кое-чего по мелочи. Это, знаете ли, не шутка. Тут крутятся такие деньги, что и Ротшильды от зависти кусают локти.

Я кивнул, поблагодарил портье и отошел от стойки. В роскошном уютном номере, присев в мягкое кресло, я развернул письмо и прочел следующие строчки: *«Уважаемый мистер Клеменс, добро пожаловать в Константинополь! Поздравляю Вас с прибытием и приглашаю Вас на обед во дворец Долмабахче завтра в 12 часов. Персонал гостиницы сможет передать мне Ваш ответ. Если Вы согласитесь, то за Вами завтра в 11:30 приедет пролетка.*

Искренне Ваш Александр Тамбовцев (Канцлер Югороссии)»

Я спустился в холл гостиницы и попросил помощника портье, молодого человека за стойкой, передать мистеру Тамбовцеву, что я принимаю его приглашение. После этого я решил все-таки сделать то, что мне в тот приезд понравилось меньше всего, подумав при этом, что хоть так я смогу почувствовать себя в знакомом городе.

Сначала я пошел в ресторан при гостинице. Но он, увы, оказался вне всякой критики. В зале было чисто, на столах лежали белоснежные скатерти, персонал был вышколен так, будто его дрессировал прусский фельдфебель, а блюда хоть и были с восточным колоритом, но оказались необыкновенно вкусными, особенно шашлык в гранатовом соусе, который я запил фракийским вином, оказавшимся всяко лучше любого американского. И вообще, выбор блюд и особенно напитков в твердой книжке меню просто поражал. Тут были все сорта американского виски, кубинского рома, русской водки, греческие и российские вина, и даже мексиканское кактусовое пойло под названием «текила».

Чтобы хоть как-нибудь испортить сегодняшнее впечатление, я заказал турецкий кофе, об ужасах которого писал в своем репортаже во время моего первого посещения этого удивительного города. Но он, хоть и густой, здесь был весьма неплох.

И тогда я решился и пошел в баню тут же, при гостинице. После своего предыдущего визита в Константинополь я написал, что тот, кто окружает турецкую баню ореолом очарования и поэзии, не постесняется воспеть все, что есть в мире скучного, дрянного, унылого и тошнотворного. Действительно, то посещение хамама было одним из самых ужасных впечатлений за всю мою не столь уж и короткую жизнь. Но сейчас здесь все было чисто, роскошно и весьма мило. И массаж был бесконечно приятнее, чем тот, которому меня подвергли девять лет назад. Из бани я вышел помолодевшим и решил, что, может, не так уж и плохо, что город так сильно изменился под властью новых хозяев.

Так сказочно началось мое пребывание в Югороссии. Посмотрим, что будет завтра...

23 (11) ноября 1877 года. Константинополь

**Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, более известный как Марк
Твен, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд.»**

После обильного завтрака я вышел в лобби отеля и закурил великолепную кубинскую сигару. Таких хороших сигар нет даже в Америке – а здесь, на другом конце земного шара, в семи тысячах миль от Кубы, есть, причем обошлась она мне в смешные по американским меркам деньги.

«Что-то мы делаем не так...» – подумал я, настроившись на философский лад.

Не успел я покончить с сигарой, как ко мне подошёл молодой человек, одетый в хороший гражданский костюм, который, впрочем, никак не мог скрыть его несомненную военную выправку.

– Здравствуйте, мистер Клеменс! – сказал он на неплохом английском. – Меня зовут Андрей Ленцов.

– Вы приехали, чтобы отвезти меня к вашему канцлеру Тамбовцеву? – проворчал я. – Но как вы узнали, что я именно Клеменс?

– Ну, во-первых, вы единственный американец в этом отеле, – ответил мне посланец югоросского канцлера, – а во-вторых, я уже раньше видел ваш портрет.

– И вы тоже являетесь поклонником «Приключений Тома Сойера»? – с иронией спросил я.

– Мне больше нравятся «Приключения Гекльберри Финна», – скромно ответил он, чуть не убив меня своими словами наповал.

– Интересно... – я не мог скрыть своего удивления, – я эту книгу еще только пишу. Откуда вы можете её знать?

Посланец Тамбовцева вдруг покраснел.

– Да нет, – сказал он смущенно, – я имел в виду Гекльберри Финна как героя «Приключений Тома Сойера».

Было ясно как солнечный день, что молодой человек что-то недоговаривает. Но где и как он мог ознакомиться с моей рукописью, которая ни на день не покидала моего дома в Коннектикуте? Ещё одна загадка...

Я тяжело вздохнул и сказал:

– Ну что ж, мистер Лен...

– Ленцов, – поправил он меня.

– Сложное слово, – проворчал я, – не знаю, как вы, русские, выговариваете подобные фамилии. Лен-тс-ов... Язык можно сломать.

– Называйте меня просто «Эндрю», – сказал мой собеседник, – так вам будет намного проще.

– Ну тогда, Эндрю, поехали, – сказал я.

Когда-то давно я написал, что человек нормального ума может выучить английский за тридцать часов, французский – за тридцать дней и немецкий – за тридцать лет. Когда я ехал сюда, в Югороссию, я попытался снова разучить те фразы, которые когда-то зубрил перед посещением Крыма лет десять назад. Увы, я пришёл к выводу, что для русского языка и трехсот лет не хватит. Хотя русские дети довольно бойко лопочут на нем лет с пяти. Не означает ли это нашей англосаксонской умственной ограниченности?

Когда мы вышли из отеля, там нас уже ждал экипаж – странная угловатая закрытая со всех сторон железная повозка на четырех толстых черных колесах, без всякой видимости запряженных в нее лошадей. Эндрю небрежно открыл передо мной дверцу с правой стороны и пригласил садиться. Сиденье оказалось на удивление мягким и удобным. Тем временем посланец мистера Тамбовцева закрыл за мной дверь, обошел этот агрегат и устроился на соседнем сиденье перед круглым колесом непонятного назначения.

– Поехали, – сказал он, взявшись левой рукой за колесо, а правой поворачивая что-то перед собой.

Повозка заурчала, будто неизвестный науке зверь, и мы тронулись с места, быстро набирая ход на узеньких улочках Константинополя. Неведомая сила вжала меня в сиденье, заставляя задержать дыхание.

Вот, ещё одно чудо, которое для моего визави абсолютно нормально; я же чувствую себя в нем как африканский дикарь, впервые севший в поезд. А Эндрю как ни в чем не бывало, откинулся на своем сидении, лишь изредка с независимым видом пошевеливая то самое колесо, отчего агрегат поворачивал вправо или влево. Ход был удивительно мягкий – никакой зубодробительной тряски по булыжной мостовой, которую я испытывал, добираясь к отелю на извозчике.

Вскоре мы уже подъехали к большим воротам какого-то парка, которые распахнулись перед нами, едва только охранявшие их люди в странных пятнистых мундирах увидели наш самоходный агрегат. Ещё минута езды по чисто выметенным узким парковым дорожкам, и мы остановились у парадного входа во дворец Долмабахче. Того самого султанского дворца, который в прошлый раз я лишь мог наблюдать с другой стороны пролива Босфор.

На ступенях парадного входа меня встретил улыбающийся седобородый человек.

– Мистер Клеменс, я очень рад вас видеть, – сказал он. – Разрешите представиться – меня зовут Александр Тамбовцев. Добро пожаловать во дворец Долмабахче. Прошу вас следовать за мной...

И мы пошли по длинному коридору, который, казалось бы, похож на коридор в любом европейском дворце. Но что-то там было не так. И вдруг меня осенило: точно так же, как и в гостинице, светильники давали ровный яркий свет (совсем не такой, как от газовых рожков), и лампы не гудели. Так что же это такое?

Я тут же спросил об этом у моего Вергилия.

– Это электричество, мистер Клеменс, – ответил он мне с улыбкой.

И тут я сопоставил всё мной увиденное: огромные железные корабли, быстроходные самодвижущиеся лодки и повозки, а также электрический свет и вежливое, но не подобоострастное поведение югороссов, обладающих невероятным могуществом, а еще то, что Эндрю успел прочитать еще не написанного мной «Гекльберри Финна»... В голове как будто что-то щёлкнуло...

Не так давно у меня возникла идея новой книги. Представьте себе, что янки из Коннектикута вдруг попал, скажем, в древнюю Грецию. Или в древний Рим. Или во времена короля Артура, что нам, выходцам из Британии, гораздо ближе... Я ещё не начал писать эту книгу, но время от времени возвращался к её идее.

«А что если югороссы точно так же провалились в прошлое? – подумал я. – Хотя нет, правильнее было бы сказать „ворвались“ – как полиция врывается в разбойничий притон».

И тогда я прямо спросил у канцлера Югороссии:

– Мистер Тамбовцев, скажите, вы пришли к нам из будущего, как...

– Как ваш янки из Коннектикута? – улыбнулся он.

– Вот вы и попались... – со смехом ответил я. – Эту книгу я даже не начал писать.

– Мистер Клеменс, – уже серьезно заговорил он, – книга у вас получится замечательная. Равно как и книга и приключениях Гекльберри Финна. А насчёт того, откуда мы – можете ли вы дать честное слово, что будете держать всё рассказанное вам в тайне?

Подумав секунду, я торжественно сказал, как далеко в детстве, проведенном в городе Ганнибал, что в штате Миссури.

– Честное индейское, мистер Тамбовцев!

– Хорошо, – сказал он, – вы умный человек, и я расскажу вам все. Но только не здесь. Давайте доберемся до моего кабинета.

Первое, что меня поразило в кабинете канцлера, это книжные шкафы со стеклянными стенками, за которыми теснились сотни томов. Пожалуй, в Америке не часто увидишь такое изобилие печатного слова. Мы уселись в мягкие кресла, стоявшие по обе стороны низенького журнального столика, и канцлер Тамбовцев начал свой рассказ.

Вряд ли он рассказал мне даже малую толику всей той истории, но и от того, что я узнал, я долго не мог прийти в себя, очнувшись лишь тогда, когда мистер Тамбовцев налил мне рюмку водки. Осушив её одним глотком, как меня когда-то учили русские в Крыму, я сказал:

– Мистер Тамбовцев...

– Зовите меня Александр, – мягко поправил он меня.

– Хорошо, Александр, – ответил я, – тогда и вы зовите меня Сэмом. Александр, а о чём мне можно будет писать в «Нью-Йорк Геральд»?

– Пишите про всё, что увидите, Сэм, кроме того, что я вам рассказал, – ответил он, – это не для печати. Я рассказал вам все это только потому, что знаю ваши убеждения и верю, что вы не захотите повторения той истории.

– Да, – сказал я, – но, Александр, что стало ее причиной?

– Деньги, – кратко ответил он, – точнее, ситуация, когда жажда наживы оказалась важнее верности слову, чести, совести и милосердия. Америка в двадцать первом веке совсем не христианская страна, хотя ее политики то и дело сыплют цитатами из Библии.

– Фарисейство в чистом виде, – вздохнул я и добавил: – Но, Александр, у меня к вам есть один вопрос...

– Спрашивайте, – коротко ответил он.

Я немного замялся, потом заговорил.

– Александр, – сказал я, – мне довелось быть в этом городе несколько лет назад, когда он был еще столицей Османской империи. Теперь я вижу его сейчас, когда он стал югоросским Константинополем. Сегодня это совсем другой город. Дома остались прежними, но люди в нем совсем другие. Вы навели тут жесточайший порядок, полицейские, или, как у вас их называют – «gogodovie», стоят буквально на каждом шагу. Но при этом никто не выглядит забитым или несчастным, а все довольны. Почему?

– Понимаете, Сэм, – ответил Тамбовцев, – бывает порядок ради порядка, а бывает порядок ради людей. У нас как раз такой случай. Городовые стоят на каждом шагу, это да. Но пока не происходит ничего криминального, они ни во что не вмешиваются. Мы за эти строго следим. Если вы заблудились, смело подходите к любому и спрашивайте дорогу. Вам ответят со всем возможным тщанием.

– Хорошо, – сказал я, – запомню. Но, Александр, куда делись все эти воры, нищие попрошайки, грабители и убийцы, которыми город был переполнен в мой прошлый визит?

– Знаете, Сэм... – канцлер Тамбовцев на минуту задумался, – когда мы высадились в тогда еще турецком Стамбуле и взяли в плен самого султана, вся этой публика, огорченная подобным развитием событий, по своему обычаю тут же принялась громить христианские кварталы города и убивать иноверцев. Адмирал Ларионов приказал нашим солдатам немедленно остановить погром и резню. Для наведения порядка было разрешено применять любое оружие, за исключением, пожалуй, только тяжелых пушек.

– И вы их всех... – с некоторым испугом спросил я, признавая, впрочем, в душе необходимость таких жестких мер при столь трагических обстоятельствах.

– Ну, не совсем всех, – ответил Тамбовцев, – но самых кровожадных и буйных – точно. Потом, когда Черное море было окончательно очищено от остатков турецкого флота, к нам на помощь прибыли греки из России, по большей части служившие в русской армии. С их помощью мы смогли создать из местных жителей отряды Национальной гвардии, совместно с которыми окончательно взяли под контроль город и окрестности. Они то и помогли нам навести тот самый образцовый порядок, который вас так удивил. Одновременно КГБ разыскивало сбежавших участников погрома, на чьих руках была кровь невинных жертв. После суда и приговора они попадали туда, куда им была единственная дорога – на виселицу. И это даже было гуманно, ведь родственники убитых ими людей хотели их – как это у вас называется – линчевать. Тогда, поняв, что прежней жизни уже для них не будет, разбойники и убийцы стали переправляться через Босфор, ища спасения в тех землях, на которые еще не распространилась наша власть. Вместе с ними бежали и чиновники бывшей султанской администрации. Многие так торопились унести ноги, что, прихватив золото, бросили на произвол судьбы свои гаремы. Золото им, впрочем, чаще всего увезти не удалось. На приграничных таможах нажитое взятками и грабежами имущество и ценности конфисковывались. Беглецам оставляли лишь небольшую сумму на обзаведение имуществом на новом месте жительства. Что же касается их брошенных жен, то мы взяли этих несчастных женщин с их детьми, оставшихся без кормильца, под свою опеку. Сходите в наш военный госпиталь – он тут рядом – в нем живут те из них, что не нашли еще себе нового мужа или же подходящую работу.

– Александр, у вас что, и женщины работают? – удивленно спросил я, подумав, что у меня уже есть темы для двух, нет, даже для трех статей. Работающие женщины – это ведь тоже такое дивное диво, про которое будет интересно прочесть американским читателям.

– Да, работают, – кивнул мне канцлер Тамбовцев, посмотрев на часы, которые он носил не в кармане, как это принято, а на запястье левой руки, – а теперь, Сэм, давайте пойдёмте пообедаем, и вы все увидите сами.

Обед в правительственном ресторане при дворце Долмабахче был восхитительным, хотя и состоял из блюд, мне решительно не знакомых, за исключением, пожалуй, шашлыка, который я уже пробовал в гостинице. Прислуживали нам прелестные девицы в длинных черных платьях, украшенных кокетливыми кружевными белыми фартучками. В основном это были девушки в восточном стиле. Но среди них были и красотки вполне европейского вида, и даже одна мулатка. Ах эти опущенные долу глазки, отстраненные, но в то же время доброжелательные выражения на милых личиках... А когда во время перемены блюд твоего плеча как бы ненароком касается тугая женская грудь и тебя обдает легким ароматом духов... Нет, об этом непременно надо написать.

Во время обеда Александр то и дело говорил мне названия блюд: это русская солянка, это турецкий шашлык из баранины в гранатовом соусе, а вот это – русский торт по-киевски.

И когда та самая очаровательная мулатка принесла нам крепкий турецкий кофе, к которому я стал относиться намного лучше после вчерашнего вечера, к нашему столику подошёл человек средних лет в темно-синей форме.

– Вы разрешите? – спросил он. – Мистер Клеменс, позвольте представиться – адмирал Ларионов, Виктор Сергеевич. Очень рад видеть вас в Константинополе. Давно хотел с вами познакомиться поближе.

Вот так, запросто, подошел и представился. А попробуйте так же пообщаться с нашим президентом...

После обеда адмирал откланялся (мол, дела), а мы с Александром вернулись в его кабинет. Первым делом хозяин налил мне в бокал восхитительного коньяка.

– Сэм, – сказал он, – Эндрю к вашим услугам в ближайшие дни. Он покажет вам всё, что вы захотите. Кстати, у нас в Константинополе живёт ещё один американский писатель. Если вы не против, то я его с вами познакомлю.

Я подумал, что чего в Америке практически нет – так это писателей, которых было бы интересно читать. В моде были скучные моралистические опусы, примерно такие, какие я высмеял в «Томе Сойере». Другие писали про индейцев и Дикий Запад, неуклюже подражая покойному Джеймсу Фенимору Куперу. Впрочем, и его произведения были необыкновенно скучными, а каждый поворот повествования был виден за версту.

Были у нас, конечно, и неплохие писатели: Вашингтон Ирвинг, Натаниэль Хоторн, Эдгар Аллан По. Но они все давно уже находились в краях, откуда даже югороссы не смогли бы их переправить в Константинополь. Разве что Герман Мелвилль, написавший две или три неплохих книжки – но его я совсем недавно видел в Нью-Йорке, где он работает таможенником.

Тем временем Александр, смотревший с улыбкой на меня, продолжил:

– Сэм, вам знаком Джордж Генри Бокер?

«Бокер был когда-то весьма неплохим драматургом», – подумал я, и спросил уже вслух:

– Но он вроде сейчас находится в Петербурге?

– Нет, – ответил Тамбовцев, – он уже здесь, в Константинополе.

– Александр, – ответил я, – Бокер – это, пожалуй, один из немногих американских писателей, с кем мне было бы интересно познакомиться...

– Ну вот и отлично, – сказал мой собеседник. – Я поговорю с Джорджем и дам вам знать, когда и где он может с вами встретиться.

Мы распрощались, и Эндрю повёз меня по достопримечательностям этого так сильно изменившегося города.

Как обычно, какая-то сардоническая жилка хотела найти что-нибудь глупое или несуразное в ситуации, в которой я оказался. Но впервые за всю мою жизнь мне ничего не приходило на ум. Разве что в голове ворочалась одна мысль: почему же так интересна моя скромная персона, и почему сам канцлер Югороссии тратит на меня половину своего рабочего дня?

Несколько статей, которые я напишу и в которых я обрисую Югороссию и ее обитателей перед американцами в выгодном свете? Не верю – это было бы слишком мелко. И зачем меня хотят познакомить с Бокером?

24 (12) ноября 1877 года. Утро. Константинополь

Игорь Сеницын, капитан морской пехоты

Вчера наш «Североморск» вернулся в Константинополь из похода в Карибское море, во время которого он прикрывал транспортный конвой, состоящий из танкеров и транспорта «Колхида». Если военно-морские силы любой державы попробуют задержать суда конвоя для досмотра или, не дай Бог, ареста, нам придется препятствовать этому всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, вплоть до применения тяжелого вооружения. То же самое случится в случае попыток захватить наши суда в порту захода. Впрочем, вряд ли найдутся желающие совершить самоубийство в такой экзотической форме. Вторая битва у Саламина показала, что будет с теми, на кого мы хоть немного рассердимся. И, помимо всего прочего, мы должны, как говорят моряки, «показать флаг» – то есть напомнить всем о том, что существуют серьезные ребята под Андреевским флагом, которые очень не любят шутить.

А вообще же мы выполняем важную задачу. Наш транспортный конвой доставляет раз в две недели двадцать тысяч тонн разных колониальных товаров с Кубы, что является одной из основ экономики Югороссии. Сахар, ром, кофе, цитрусовые, сигары, табак... Как только «Кол-

хида» становится под разгрузку, начинается большой аукцион. Говорят, что все, что она привозит, улетает прямо с причала и за немалые деньги. А что вы хотели: собственное государство – это дорогая игрушка...

В этот раз при возвращении в Константинополь всех нас – и команду «Североморска», и морских пехотинцев – ждал сюрприз: полный комплект парадной формы, пошитой по «новым» образцам.

Портной, старый грек, для примерки и подгонки мундиров и шинелей (ведь не вечно же нам болтаться в тропических морях и океанах) со всей своей оравой подмастерьев явился прямо на борт «Североморска», лишь только мы встали якорь. Приказ адмирала Ларионова: сход на берег – только в новых парадках. Я считаю, что это правильно. Константинополь – это наша столица, на нас тут смотрят иностранцы, да и перед гостями из Империи, частенько появляющимися у нас в Константинополе, позориться не след.

Парадные мундиры и шинели были черного цвета и одного покроя. На этом фоне хорошо смотрелись блестящие позолоченные пуговицы и ремни с португелями из белой кожи. Погоны тоже были черные, отороченные цветным кантом – у плавсостава просветы и кант были золотистыми, у летчиков морской авиации – синими, а у нас, у морских пехотинцев, – красными. Кстати, погоны на моем мундире оказались украшены одной лишней звездочкой. Я сначала подумал даже, что это не мой мундир, хотя других офицеров морской пехоты, кроме меня, на «Североморске» не было. Недоумение мое рассеял капитан 1-го ранга Перов.

– Игорь, – сказал он, хитро улыбаясь, – твой это мундир, твой. Учитывая твою образцовую службу, подвиги во время Турецкой кампании, и за успешное выполнение одного секретного и ответственного задания в Карибском море адмирал Ларионов произвел тебя в следующее звание капитана морской пехоты. Поздравляю. Завтра, прямо с утра – на берег. Твоя милая тебя, наверное, уже ждет не дожидается.

«Интересно получается... – подумал я, – я, кажется, начинаю делать карьеру».

Когда вокруг меня закончили хлопотать портные, я подошел к зеркалу и даже сам себе понравился. Красавчег! Строго и внушительно.

После примерки начфин выплатил нам всем, как тут принято говорить, жалование. У меня в этот раз вместе со всеми надбавками вышло сто двадцать рублей с копейками. Рубль Российской империи, который в ходу и в Югороссии – между прочим, штука очень весомая. Один рубль содержит семьдесят семь сотых грамма чистого золота и примерно равен тридцати пяти долларам США нашего времени. Достаточно сказать, что самая мелкая монета – это отнюдь не копейка, как было в советское время, а монета в четверть копейки, называемая полушкой. Только здесь мне до конца стала понятна старая русская поговорка «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз». Короче, я теперь богатенький Буратино.

Это была уже не первая моя зарплата в местных деньгах, но старший лейтенант все же получал поменьше капитана. Хотя мне и тогда хватало и на жизнь, и на сувениры для моей милой Оленьки. Ну как я к ней примчусь с далекой Кубы, и без подарков? В этот раз я привез Ольге изящную дамскую сумочку, яркий цветной платок, флакончик кубинских духов и серебряные серьги ручной работы. Надеюсь, ей это понравится.

На свидание с Ольгой я отправился ближе к полудню, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Стояла редкая погода для этого времени года: безветренная, солнечная с высокой перистой облачностью, причудливо раскрасившей небо узорами. Вместе со мной сходил на берег весь мой взвод. Все бойцы были обмундированы так же, как и их командир. Различались лишь погоны.

Извозчики уже ждали катер с «Североморска» на пристани, подобно стае стервятников, рассеявшихся на скалах в ожидании добычи. У таксистов всех времен и народов просто удивительный нюх на то, где и когда можно снять клиента.

Дождавшись момента, когда мои орлы рассядутся в пролетки и направятся по разнообразным заведениям сбрасывать накопившееся напряжение и деньги, я подозвал извозчика.

– Куда изволит ехать господин офицер? – спросил тот на чистейшем русском языке. – В «Жар-птицу» или в «Одалиску»?

Этот грек был явно реэмигрантом из Империи, решившим попытать счастья на родине предков после того, как та была освобождена от османского владычества. Наши власти поощряли такое явление, стремясь по мере возможностей увеличить в Югории количество русскоговорящего населения.

– В Госпиталь, – сказал я, садясь в пролетку, – и поживее, пожалуйста.

– Господин офицер хочет навестить раненого товарища? – поинтересовался извозчик, трогаясь с места.

– Что-то типа того, – буркнул я, поудобнее устраиваясь на мягком сидении, – мы взаимно ранили друг друга в самое сердце.

Извозчик понял, что я не расположен к беседе, и замолчал.

До госпиталя я доехал быстро – тут было всего ничего, рукой подать. Когда экипаж остановился, я протянул извозчику гривенник и сказал:

– Жди здесь. Дождешься – получишь еще столько же.

Лицо грека расплылось в улыбке. Еще бы: красная цена такой поездке – пятак, так что «водитель кобылы» был доволен.

– Не беспокойтесь, господин офицер, – сказал он, – буду ждать столько, сколько потребуется вашему благородию.

Городовой, стоявший при входе в госпиталь, при виде меня подтянулся и отдал честь. Я вошел и осмотрелся. От бедлама, который тут творился летом, не осталось и следа. Госпиталь казался вымершим. Раненые, кроме самых тяжелых, уже выздоровели и разъехались по своим частям. Теперь тут в основном занимались хворьями, одолевающими гражданское население большого города.

В приемном покое одиноко скучала медсестра средних лет.

– Вы к кому, товарищ капитан? – спросила она, окинув меня взглядом с ног до головы.

– Пожалуйста, позовите Ольгу Пушкину, – сказал я.

– А вы кто ей будете? – с сомнением спросила медсестра. – У Ольги, между прочим, есть жених.

– Я и есть тот самый жених, – ответил я.

Медсестра внимательно посмотрела на меня и всплеснула руками.

– Господи, Игорек, это ты? – воскликнула она. – Богатым будешь – я тебя в новой форме и не узнала. Оленька-то тебя уже совсем заждалась. Все дни считала до возвращения «Североморска». Иди-иди, у них сейчас занятия во втором корпусе, но они скоро закончатся.

Второй корпус – это сильно сказано, а на самом просто большая утепленная палатка, типичная для полевого госпиталя, которая после уменьшения количества пациентов резко уменьшилась и превратилась в учебную аудиторию. При госпитале работали курсы повышения квалификации врачей этого времени, а также школа медсестер, которую и посещала моя Оленька. Я посмотрел на часы. До полудня, когда должны были закончиться занятия, оставалось меньше пяти минут.

Разумеется, не было никакого звонка. Просто из-за откинувшегося полога палатки стали выбегать одетые в белые халатики девицы, года на два-три старше моей Ольги, на ходу накидывая на плечи короткие шубейки. Ольга вылетела из этой толпы, как маленький метеор, и повисла у меня на шее.

– Игорь Сергеевич! – вопила она. – Мой милый Игорь приехал!

Игорь Сергеевич Сергачев, главный хирург госпиталя и по совместительству опекун Ольги, посмеиваясь, вышел из палатки последним.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – сказал я, пытаюсь отдать честь из-под повисшей на моей шее тихо повизгивающей от счастья Ольги.

– Здравствуй, Игорь, здравствуй, – улыбаясь, сказал он и строго добавил: – Пушкина, отпусти старшего лейтенанта, ты его сейчас задушишь.

Ольга ойкнула и, отпустив мою шею, тихо сползла на землю.

– Я неприлично себя веду, Игорь Сергеевич? – виновато спросила она.

– Гм, в общем, не принято так себя вести в присутствии посторонних, – ответил доктор. – Впрочем, все это из-за твоей молодости и типа душевной организации.

– Я больше так не буду... – скорчив виноватую рожицу, шмыгнула носом Ольга, – честно-честно...

Тут Игорь Сергеевич, наконец, разглядел на моих погонах новую звездочку.

– Так, тезка, – сказал он, – с новым званием тебя. Глядишь, годика через два, когда вам с Ольгой можно будет пожениться, ты уже догонишь в чинах ее папеньку.

– Не надо догонять папеньку, – капризно сказала Ольга, – все полковники старые, а я не хочу выходить замуж за старичка.

– Ну-ну, – покачал головой Сергачев, – значит, я еще молодец хоть куда – мне еще до полковника служить и служить.

– Ольга, – сказал я, щелкнув замками своего саквояжа, поставленного на вкопанную у палатки скамейку, – это тебе на будущий день рождения...

– Ой, Игорь! – воскликнула Ольга, доставая из саквояжа разукрашенный кубинскими народными узорами платок и набрасывая его на плечи. – Это все мне? Сумочка – просто прелесть! И сережки тоже очень красивые. А это что? – она держала в руках флакончик с духами.

– Это духи, – сказал я, – кубинские. Таких тут ни у кого нет.

Ольга открыла флакончик и понюхала пробку.

– А пахнет как! – сказала она, зажмуриваясь от удовольствия. – Какими-то тропическими цветами. Как мне хочется побывать там...

– Товарищ подполковник, – я обратился к Сергачеву, – пожалуйста, отпустите Ольгу со мной в город...

Доктор посмотрел на меня, потом на нее, и кивнул.

– Ладно, – сказал он, – но только до восемнадцати ноль-ноль, и не минутой позже. А ты, егоза – бегом переодеваться. В тот самый серый костюм, который тебе подарила Ирина Владимировна.

– Ой, Игорь Сергеевич, я сейчас... – Ольга схватила мои подарки, прижала их к груди и метнулась куда-то между палаток.

Пока она бегала, мы с подполковником Сергачевым коротко переговорили о текущих делах. Меня, честно говоря, удивило такое количество молодых русских девушек на курсах медсестер. Им тут, в недавнем турецком Стамбуле, просто неоткуда было взяться. Оказалось, что прибыли они сюда из России, из сиротских приютов и воспитательных домов для девочек, находящихся под патронажем главного управления императрицы Марии, которым руководил принц Петр Георгиевич Ольденбургский.

Меньшая часть из них должна была после обучения вернуться обратно в Империю, чтобы работать по специальности в больницах и родильных домах, также проходивших по этому ведомству. А остальные останутся в Югороссии навсегда, пополнив собой русское население нашего молодого государства. Я сделал себе в памяти заметку, куда следует направить орлов, желающих найти себе невесту. Ведь не каждому будут по душе гречанки или турчанки. Не буду спорить, среди них немало красавиц, но все-таки милые славянские личики как-то роднее и ближе. Надо будет поторопить моих холостяков, а то такое «хлебное» место быстро застолбят другие.

Ждать пришлось недолго: Ольга переодевалась с быстротой солдата. Не прошло и четверти часа, как она явилась перед нами, сияя как утреннее солнышко, одетая в приталенное длинное серое пальто, обтягивающее тоненькие плечи и уже явственно видную девичью грудь. В покрое его чувствовалось влияние совсем иных времен. Довершали ансамбль кокетливая серая шляпка с коротенькой вуалью и только что подаренные мною серьги. Косметики на лице был минимум, и вся по делу. Когда она подошла поближе, я ощутил тонкий, едва различимый аромат кубинских духов. Явно сказывался хорошо усвоенный Ольгой «курс молодого бойца», который с ней в свое время провела Ирина Андреева. «Молодая леди может быть пылкой и страстной, – говорила Ирина, – она лишь не имеет права быть вульгарной».

– Слушательница Пушкина к увольнительной до восемнадцати ноль-ноль готова, – полусуто полусерьезно отрапортовала Ольга. – Игорь Сергеевич, разрешите убыть в увольнение!

Доктор Сергачев только махнул рукой. Я предложил ей руку, и мы степенно начали прогулку. Сначала мы попили кофе в турецкой кофейне, а потом долго гуляли по набережной и парку у дворца Долмабахче. Когда Ольга устала и немного замерзла, я предложил отвезти ее обратно в госпиталь. И тут она выдала такое, что я чуть не упал.

– Знаешь, – сказала она мне, – до шести вечера еще есть пара часов, и мы могли бы снять номер в гостинице, чтобы отдохнуть и согреться.

– Это еще зачем? – настороженно спросил я.

– Игорь, – Ольга покраснела и внимательно посмотрела мне в глаза, – мне хочется, чтобы ты стал моим... Ты понимаешь меня?

Тут я понял, что попал в засаду, из которой мне так просто не выкрутиться. Эта чертова акселератка, начитавшись наших книжек про любовь и повинувшись африканским генам своего великого деда и бушующим в ее созревающем теле гормонам, решила резко повзрослеть, затаскив меня в постель. В общем, «играй, гормон!»

В этот раз я сумел выкрутиться, но если эти попытки будут продолжаться, то... В общем, мне теперь надо быть сапером, который не имеет права на ошибку.

И самое главное – мне совсем не хочется расставаться с этим милым бесенком. Эх, быстрее бы она повзрослела...

25 (13) ноября 1877 года. 14:05.

Артиллерийский полигон ГАУ под Петербургом

С Ладожского озера дул пронизывающий холодный ветер, и фейерверкеры, закончившие готовить все необходимое для опытно-показательных стрельб, теперь неуклюже переминались с ноги на ногу, украдкой покуривая и пряча озябшие ладони в рукава шинелей.

Начальник Обуховского завода полковник по Адмиралтейству Александр Александрович Колокольцев достал из кармана часы и щелкнул крышкой. Пять минут третьего. Но, как говорят в таких случаях, «начальство не опаздывает, начальство задерживается».

Но вот, кажется, и их императорское величество. На дороге, ведущей из Петербурга, показалась карета, за которой скакали казаки императорского лейб-конвоя. При виде кареты солдаты оживились, туша папироски и строясь перед орудиями непривычного для этих времен вида.

Подскакавший первым начальник лейб-конвоя флигель-адъютант царя и его личный друг граф Сергей Дмитриевич Шереметьев легко соскочил с коня и с легким поклоном открыл перед императором дверцу кареты. Его императорское величество Александр III сошел на грешную землю, величественно осмотрелся и кивнул. Выстроившиеся у орудий артиллеристы под его взглядом выкатили грудь колесом и старательно ели царя глазами. Когда еще им доведется вот так, вблизи, увидеть российского самодержца? Следом за царем из кареты вышел его новый друг, штабс-капитан Николай Арсеньевич Бесоев, командир Императорской Гатчин-

ской роты особого назначения, не имевший, впрочем, в Российской империи никаких иных официальных чинов или должностей.

Граф Шереметьев первое время сильно ревновал своего царственного приятеля к его новому знакомому, который, казалось, овладел всем вниманием и всеми помыслами нового императора. Но потом они как-то встретились, разговорились и даже подружились.

Николай Арсеньевич оказался человеком умным, начитанным, способным с тонкой иронией рассказать о тех или иных событиях. К тому же они с Сергеем Шереметьевым сошлись во взглядах на самобытность русского народа. Окончательно сердце графа растопила подаренная ему распечатка историко-философского труда «Великая степь и Древняя Русь» ранее неизвестного Шереметьеву автора Льва Гумилева. С трудом продираясь сквозь упрощенный югоросский алфавит, Сергей Дмитриевич постепенно начал постигать всю глубину и стройность мыслей автора, так созвучных его собственным.

С тех пор граф, сам не являющийся поклонником физкультурных забав, все чаще присоединялся к посиделкам в комнате отдыха особой роты, когда выложившийся на снарядах и в борьбе, и оттого умиротворенный, император, распаренный после горячего душа, пил чай с Николаем Арсеньевичем, ведя попутно беседы на разные темы. Граф начал замечать, что три месяца непрерывных тренировок изменили императора даже внешне. Лицо его осунулось, приобрело монументальную твердость, куда-то исчез накопленный жирок, движения стали мягкими и гибкими. Александр III и ранее обладавший недюжинной силой, более стал походить уже не на добродушного русского медведя, а на такого же сильного, но смертельно опасного тигра.

Подумав об этом, граф мыслями вернулся на артиллерийский полигон. Не успел император осмотреться, как полковник Колокольцев отдал свой рапорт.

– Ваше императорское величество, – доложил он, – орудия нового строя к опытно-показательным стрельбам готовы. Разрешите начинать?

– Очень хорошо, Александр Александрович, – сказал император. – Но сначала дайте вблизи полюбоваться на ваши, как вы говорите, «орудия нового строя». Вы мне их покажете и все расскажете, а потом и постреляем вволю.

– Как вам будет угодно, ваше императорское величество, – кивнул полковник Колокольцев. – Прошу пройти за мной.

– Ой, какое маленькое... – удивился император, подойдя к орудию, стоявшему с левого края, – и как из такого «пистолета» можно стрелять?

Действительно, по высоте короткоствольная пушка вместе с противоположным щитом не достигала императору и до уровня груди.

– Очень даже можно, – пояснил Колокольцев, – это легкое пехотное четырехфунтовое орудие, сочетающее в себе свойства пушки, гаубицы, мортиры и горного орудия. За основу взят ствол четырехфунтовки Круппа, обрезанный до двенадцати калибров. Дальность стрельбы двадцатипятифунтовой осколочной гранатой, содержащей три фунта влажного пироксилина или иного взрывчатого вещества, составляет примерно четыре версты. Но для пушки, непосредственно поддерживающей пехоту на расстоянии прямой видимости, больше и не надо. Заряжание раздельное, картузное или условно гильзовое. Но пушка легко переделывается под патронный выстрел. Углы возвышения ствола – от минус пяти до семидесяти пяти градусов. Лафет однобрусный, собранный из двух П-образных профилей, соединенных распорками. Колеса малого диаметра, не дубовые, а двухсторонние штампованные стальные. Шина пока дубовая, укрепленная железной полосой. В дальнейшем мы планируем перейти на литой каучук, как только он будет производиться в достаточном количестве.

Из последних новшеств в орудии присутствуют: гидравлическое откатное и пружинное накатное устройства, закрепленные на люльке, по которой скользит ствол во время выстрела,

планка Пикагтини для установки прицела и устройство для горизонтальной наводки, состоящее из поворачивающихся относительно друг друга верхнего и нижнего станков.

Горизонтальная наводка возможна в пределах десяти градусов по обе стороны от оси орудия. Вес орудия без передка – в пределах двадцати пяти пудов, а его низкий профиль, которому вы, ваше императорское величество, так удивились, делает его малозаметным для противника.

Расчет состоит из командира орудия в ранге унтер-офицера, наводчика в ранге ефрейтора, заряжающего и еще трех нижних чинов предназначенных для подноски снарядов и перекачивания пушки в бою силами расчета.

– Очень полезная пушка, – сказал граф Шереметьев. – Помню, как при прорыве через Шипку турки укрепились на высотах, а мы ничем не могли их взять, ибо стволы наших пушек не поднимались так высоко. Сколько бы наших солдатиков там полегло, если бы не помощь свыше!

– Так-так... – сказал император, сделав вид, что не заметил замечания своего друга, – скажите, Александр Александрович, наверное, при таком количестве новшеств, эта пушка трудоемка в производстве и обойдется нам слишком дорого?

– Никак нет, ваше императорское величество, – ответил Колокольников, – большинство ее деталей – или литые из самой обыкновенной стали и требуют после отливки минимальной последующей обработки, или же штампованные, соединенные клепкой. После приобретения нашим заводом в Германии гидравлического пресса мощностью в шестьдесят две с половиной тысячи пудов, такие работы не представляют для нас никаких трудностей. Наличие противоткатных устройств сильно снизило нагрузку на конструкцию орудия, отчего стало возможно удешевление всех остальных деталей. Единственное сложное устройство – это механизмы отката и наката. Но и они не многим сложнее, чем, например, помповые водяные насосы, которые уже освоены к производству на отечественных заводах.

– Очень хорошо, Александр Александрович, – сказал император и, повернувшись к штабс-капитану Бесоеву, вполголоса спросил: – А вы что скажете, Николай Арсеньевич?

– Реплика с германского пехотного орудия времен второй мировой войны, – едва слышно, почти шепотом, так, чтобы никто из посторонних не услышал, сказал Бесоев, – причем неплохая. Если Обуховский завод сумеет наладить их массовое производство, то вооружать этой пушкой надо пехотные и горно-егерские батальоны.

– Прямо так и батальоны? – усомнился император. – А почему, к примеру, не полки?

– У этого орудия, ваше императорское величество, – ответил Бесоев, – принцип очень простой: «Кого вижу, в того и стреляю». Чтобы избежать напрасной траты офицерского состава на формирование батарей, можно включить по одному орудью в каждую роту, подчинив расчет непосредственно ротному командиру. Там, на поле боя, ему видней, какие цели поражать в первую очередь. А для полковой артиллерии, как я понимаю, больше подойдет следующий образец.

– О следующем потом, – отмахнулся император и, указав артиллеристам на крайний левый щит, выкрашенный белым и находившийся на мишенном поле на расстоянии примерно двух верст, сказал: – А ну-ка, братцы, подбейте мне вон ту мишень.

Расчет засуетился возле орудия. Наводчик опустился на одно колено. Покрутив маховик горизонтальной наводки, он глянул в визирный прицел и потребовал чуть повернуть пушку влево. Двое подносчиков разом взяли за хобот лафета и легко повернули орудие. Тем временем командир, прикинув дистанцию, скомандовал прицел, и наводчик завертел уже другим маховиком, поднимая ствол.

Пока наводчик с командиром наводили орудие на цель, заряжающий сунул в казенник массивный тупоголовый снаряд и пропихнул его вглубь прибойником. А рядом уже стоял подносчик, держа в руках заряд – цилиндр желтоватого цвета с медным донцем.

– Постой-ка братец, – обратился к нему император, – покажи, что там у тебя такое?

– Это и есть то самое условно-гильзовое зарядание, – вместо солдата ответил полковник Колокольцев. – Заряд бездымного пороха профессора Менделеева помещается в глухой цилиндрический футляр из жесткого целлулоида, сверху на который одевается медное донце с капсюлем. Поскольку целлулоид – это та же нитроцеллюлоза, то в процессе выстрела футляр сгорает без остатка, оставляя после себя только донце, которое после замены капсюля становится пригодным к повторному использованию. К такому решению мы пришли из-за того, что в плохую погоду заряд в картузе может отсыреть. А эта пушка должна уметь стрелять и в дождь, и в снег, и по казенник в грязи. В случае использования зарядов в картузах из затвора вынимается ударник, и вместо него вставляется обыкновенная запальная трубка с вытяжным шнуром.

– Очень интересно, Александр Александрович... – сказал император и повернулся к Бесоеву за комментариями.

– Технология второй половины XX века применяется в автоматически заряжаемых танковых пушках калибром от сорока восьми линий и выше, – снова шепнул ему штабс-капитан. – Поскольку за ненадобностью ничего подобного мы на Обуховский не передавали, то там додумались до этой конструкции самостоятельно. Это, конечно, редко используется в малокалиберных пушках, где все равно придется переходить на унитарное зарядание. Но для гаубиц крупного калибра эта сгораемая гильза вполне подойдет.

– Понятно, Николай Арсеньевич, – сказал император, и кивнул солдатам: – Продолжайте, братцы.

Заряжающий принял у подносчика заряд, вставил его в казенник, толкнул прибойником до упора, потом закрыв затвор, взвел рукоятью спусковой механизм, и сообщил: «Готово!»

Командир дал команду: «Огонь!», наводчик дернул за спуск, орудие рывкнуло, на мгновение окутавшись быстро рассеявшимся полупрозрачным дымком. Ствол, сначала резко отскочив назад, плавно вернулся в исходное положение. Остро запахло смесью эфира и камфары. Шагов за сто до мишени, но довольно точно по целику, вспух клуб белого дыма.

– Для учебных стрельб мы используем гранаты снаряженные черным порохом, – пояснил полковник Колокольцев. – Поражающее действие в таких случаях слабое, зато разрыв очень хорошо заметен.

Тем временем командир скомандовал: «Недолет, пять больше», наводчик подкрутил маховик, а заряжающий, открыв затвор, вытряхнул на землю звякнувшее донце. Далее все повторилось в том же порядке. Второй снаряд лег с перелетом шагов в пятьдесят. Командир дал еще одну поправку, и с третьего выстрела орудие наконец поразило цель, разнеся щит в щепки.

– Замечательно, – сказал император, ожидавший худшего. – Неожиданно сделав шаг вперед, он сказал: – Посторонитесь, братцы... – и, нагнувшись, взялся за рукоятки, за которые подносчики ворочали пушку, с легкостью оторвав хобот от земли и потянув на себя, сделал шаг назад. Пушка послушно покатила следом, будто говоря, что такому богатырю она готова отдаться хоть сейчас.

– Действительно игрушка, – сказал император, осторожно опуская хобот на землю. – Идея штабс-капитана Бесоева отдать ее пехоте прямо в роты не лишена смысла. Если будет надо, солдатики смогут эту малышку на руках затащить на любую горку, а уж она им сторицей оплатит добром. Ну, Александр Александрович, давайте посмотрим, что там у вас дальше...

– Дальше, ваше императорское величество, – ответил Колокольцев, – нормальная, если так можно сказать, четырехфунтовка Круппа, правда, измененная почти до неузнаваемости. Конструкция и технология производства аналогичны легкой пехотной пушке, за исключением того, что ствол не обрезан, а даже удлинен до тридцати калибров, и угол вертикальной наводки ограничен тридцатью градусами, углы же горизонтального наведения увеличены до двадцати двух градусов в обе стороны. Из новшеств, отсутствующих в предыдущем образце, имеются раздвижные станины, которые и позволяют так широко менять направление стрельбы без

изменения положения самого орудия. Поскольку отдача при стрельбе значительно выросла, то вся конструкция пушки несколько более массивна, а противооткатные и накатные устройства более мощные. Масса орудия без передка составляет семьдесят пять пудов, но зато максимальная дальность стрельбы фугасной гранатой при этом увеличилась до десяти с половиной верст.

– Замечательно, Александр Александрович, – сказал император. – Как я понимаю, процесс ведения огня из этой пушки не сильно отличается от предыдущего варианта?

– Так точно, ваше императорское величество, – ответил Колокольцев, – не сильно.

– Ну, тогда давайте посмотрим на ваше последнее детище, – сказал начавший уже зябнуть на ветру император, указывая на массивное орудие, широко расставившее лапы станин и задравшее в небо толстый кургузый ствол, увенчанный массивным набалдашником дульного тормоза.

– Это, ваше императорское величество, – сказал Колокольцев, – сорокавосемилейная тяжелая полевая гаубица. Максимальный угол возвышения ствола – сорок пять градусов. Длина ствола – восемнадцать калибров. Максимальная дальность стрельбы шестидесятифунтовой фугасной гранатой составляет до восьми верст, а облегченной пятидесятифунтовой – до десяти верст. Углы горизонтальной наводки – по тридцать градусов в обе стороны. Масса орудия – сто десять пудов.

Император вопросительно посмотрел на Бесоева.

– Все орудия соответствуют требованиям тридцатых годов будущего столетия, – тихо шепнул тот. – Если еще они успешно пройдут намеченные нами полевые испытания, то будет просто замечательно. Ничего подобного ни у кого в мире сейчас нет.

– Николай Арсеньевич, – так же тихо сказал император, – а вам не жалко британских, да североамериканских солдатиков? Ведь вы собираетесь дать эдакую страсть в руки людям, которые ненавидят их всеми фибрами души...

– А они нас жалели? – ответил Бесоев. – В Крыму британцы и французы считали за доблесть с безопасного расстояния расстреливать из штуцеров русских солдат, имевших устаревшие гладкоствольные ружья. А что янки творили на Юге во время так называемой Реконструкции? Вам же все это известно. Если они со своими так обращались, то что уж тут говорить о нас, о сиволапых дикарях. Нет, адмирал Ларионов прав, и эту болезнь надо лечить до того, как она примет угрожающие масштабы.

– Скорее всего, вы с Виктором Сергеевичем правы, – вздохнул император. – Значит, быть посему. Ваши ирландские и американские друзья получают так необходимые им пушки. Только вместе с ними мы пошлем наших офицеров – пусть они тоже поучатся, а заодно доложат, как и что там было.

Полковник Колокольцев отошел в сторону и терпеливо ждал, пока император посовещается с Бесоевым. Ну и что, что он всего лишь штабс-капитан. Зато югоросс и лицо, приближенное к священной особе монарха. К тому же большую часть сведений и необходимых подсказок – где что брать, и как что делать – полковник Колокольцев получил именно от Бесоева, и понимал, что орудия, которые удалось создать таким образом, опередили свое время на многие годы. Они способны дать русской армии качественное преимущество над любым противником. Дело только за массовым производством. Но вот пришло и его время...

– Ну, Александр Александрович, – сказал ему император, – а теперь ответьте мне – сколько таких пушек вы готовы дать нашей армии?

– Сейчас мы готовы выпускать до пяти пушек в день без различия типов, – ответил полковник, – но, немного поработав над технологией и приобретя еще оборудование, мы готовы удвоить, или даже утроить выпуск.

– Отлично, Александр Александрович, – сказал император. – В течение двух недель мне нужны шесть тяжелых гаубиц, двенадцать средних и двадцать четыре легких пушки. Они будут испытаны... – тут император немного замялся, а потом, взглянув на Бесоева, подмигнул ему

и продолжил: – словом, они будут испытаны в боевых условиях у наших друзей-югороссов. После испытаний те вам сообщат обо всех неполадках, претензиях и пожеланиях. Так как, Александр Александрович, справитесь?

– Так точно, ваше императорское величество, – кивнул Колокольцев, – справимся.

– Ну, вот и замечательно, – довольно сказал Александр III. – Если полевые испытания пройдут нормально, то можете считать, что ваши пушки приняты на вооружение, а у вас на шее орден Святого Владимира Третьей степени. Так что не подведите. А теперь мы вас покидаем. Извините, дела. И у императора в сутках только двадцать четыре часа. До свиданья.

27 (15) ноября 1877 года. Константинополь

Джордж Генри Бокер, посол Конфедеративных Штатов Америки при правительстве Югороссии

Внизу, в холле, звякнул несколько раз дверной колокольчик. Обычно дверь гостям открывал Янис, наш слуга-грек, по совместительству работавший дворецким. Но своего друга Александра Тамбовцева, пришедшего ко мне в гости вместе с мистером Клеменсом, решил встретить лично.

И действительно, на пороге стоял канцлер Тамбовцев собственной персоной. А рядом с ним я увидел человека, чье лицо было знакомо, наверное, каждому грамотному американцу – да и каждому югороссу тоже. Шевелюра, усы – все ну прямо как у меня в молодости.

Канцлер Тамбовцев улыбнулся, пожал мне руку и сказал:

– Джордж, познакомься, это мой новый друг Сэмюэль Клеменс. Сэм, позволь тебе представить Джорджа Генри Бокера.

Мистер Клеменс улыбнулся, крепко пожал мою руку и сказал:

– Мистер Бокер...

– Джордж... – улыбнувшись, поправил я его.

– Джордж, – серьезно сказал мистер Клеменс, – я давно мечтал познакомиться с автором «Франчески да Римини». Именно вы для меня – родоначальник американской драматургии и весьма интересный поэт.

– Мистер Клеменс... – начал отвечать я, но тут уже мой новый знакомый внес свои поправки.

– Джордж, – сказал он, – зовите меня просто Сэмом.

– Сэм, – повторил я, – конечно, спасибо вам за комплимент, но, увы, я его совсем не заслужил. Взамен должен сказать, что я рад приветствовать вас в стенах моей скромной обители.

Наш дом в Константинополе был, конечно, поменьше, чем особняк в Филадельфии, который мы продали, чтобы выкупить и обставить свое новое жилище здесь, в столице Югороссии. Решение приняла моя Джулия, заметив, что после того скандала возвращаться в Североамериканские штаты мне, наверное, уже не судьба. Сначала югороссы хотели просто подарить мне этот дом, но я, памятуя, как Авраам отказался от предложенной ему в дар земли в Хевроне и настоял на ее покупке, решил поступить точно так же.

Раньше этот особняк принадлежал какому-то турецкому паше, который бежал из Константинополя.

Перед тем, как я въехал в него, он был капитально отремонтирован. А потом, под чутким руководством моей Джулии, каждая комната в доме была обставлена – каждая в своем стиле. Типично филадельфийская гостиная: диваны с мягкими подушками, шкафы работы немец-

кого меньшинства Пенсильвании, масляные лампы... Столовая – русская: с льняными скатертями, резной мебелью, и даже баташовским самоваром с медалями. Курительная – оттоманская: низенькие диванчики и столики, ковры, каляны... Ну и так далее.

Я представил мистера Клеменса своей супруге, и мы сели к уже накрытому столу, где к нам присоединился мой старый университетский приятель Билл Джонсон, ныне первый секретарь посольства Конфедерации в Югории. Представил я его Сэму, конечно, без упоминания этого титула – существование самого посольства пока не афишировалось, а вывеска на его здании гласила: «Общество югоросско-американской дружбы».

Как только начнется Третья американская революция и Конфедерация возродится – тогда мы и поменяем вывеску и водрузим на флагшток красный флаг с синим андреевским крестом и с белыми звездами.

Джулия, когда я отправил ей телеграмму о том, что Алекс захотел познакомить меня с Сэмом, ответила, что это обязательно должно произойти у нас дома, и в ее присутствии. Врачи с Принцевых островов дали добро, и вчера с утра она прибыла в Константинополь. Впрочем, она уже практически здорова, поскольку здешние эскулапы умеют творить настоящие чудеса.

Когда-то давно, когда я только-только дал согласие на свое назначение послом Югории, канцлер Тамбовцев дал мне несколько книг об американском Юге. Ведь я, к своему стыду, там бывал разве что в Мэриленде, на родине моей Джулии. В основном это были работы по истории, по Второй американской революции (именно так южане называли Гражданскую войну), по экономике, да и вообще по жизни на Юге.

Среди этих книг оказались «Жизнь на Миссисипи» и «Гекльберри Финн», написанные моим сегодняшним гостем. Впрочем, последнюю книгу он еще не написал, и Алекс очень просил меня пока никому ее не показывать.

Книга оказалась гениальной – возможно, лучшим литературным произведением, когда-либо написанным на американском континенте. Прочитав эту книгу, я уже собрался вернуть ее Алексу, но тут ее заметила супруга, паковавшая чемоданы для очередного посещения Принцевых островов, и забрала с собой. С тех пор для нее мистер Клеменс – самый любимый писатель. А мне пришлось провести с женой обстоятельную беседу и объяснить ей, кто же такие на самом деле югороссы. К счастью, она у меня не болтушка, и информация дальше не пойдет. Но вот на личном знакомстве с автором этой книги она настояла.

После обильного и вкусного обеда, в котором проявилось кулинарное искусство как Джулии, так и наших служанок Марфы из Петербурга и Фатимы из Константинополя, мы уединились в курительной. Алекс не курит, да и я этим занимаюсь редко – с тех пор, как Алекс рассказал мне о последствиях курения, снабдив лекцию несколькими красноречивыми фотографиями.

А вот Сэм с удовольствием разжег калян и вдыхал ароматный запах лучшего местного табака. Потом я открыл бутылку десертного крымского вина, а Фатима принесла нам кофе.

И тут я увидел, как мистер Клеменс листает какую-то книгу. Его лицо неожиданно вытянулось от удивления. Я похолодел: это были те самые «Приключения Гекльберри Финна», которые я хотел вернуть канцлеру Тамбовцеву, и неосторожно оставил на столике.

– Да, – наконец произнес мистер Клеменс, – неплохо написано. Не думал, что я на такое способен... Джордж, не дадите почитать?

– Это книга Алекса, – сконфуженно пробормотал я, – точнее, из библиотеки в Долмабахче.

Канцлер Тамбовцев при этих словах лишь улыбнулся.

– Конечно, Сэм, – сказал он, – берите. Только разве вам не будет скучно ее читать? Сами же написали – или напишете. У нас еще есть, так что можете не возвращать. А пока у меня к вам есть небольшой разговор. Видите ли, в нашей истории – да, Джордж, Сэм уже знает, откуда мы, – вы были лучшим американским писателем своей эпохи. Кроме того, вы замечательный

журналист. Я знаю, что вам заказали написать серию статей про Югороссию. А вот не хотели бы вы после окончания этих статей поработать, так сказать, на новой стезе?

– На какой же? – любопытно спросил мистер Клеменс.

– Видите ли, только человек, искренне любивший Юг, мог написать такую книгу, – сказал канцлер Тамбовцев. – Да и вы еще в 1861 году вступили в добровольческий отряд у себя в Миссури.

– Да, – ответил мистер Клеменс, – было такое. Но я его быстро покинул, потому что понял, что война – это не мое дело.

– Никто вас и не призывает к войне, – канцлер Тамбовцев поспешил успокоить Сэма. – Но вот насколько хорошо вы знаете то, что произошло на Юге после войны?

– Вы имеете в виду Реконструкцию? – спросил мистер Клеменс. – Моей Миссури она не коснулась – кроме освобождения рабов, которое я приветствовал, там ничего особо не изменилось. А вот в других штатах – в тех, которые примкнули к Конфедерации – там, если верить прессе, проводилась политика умиротворения, поддержки экономики и предпринимателей, а также бывших рабов.

Канцлер Тамбовцев заулыбался еще шире:

– А сам-то вы в это верите? – немного ехидно спросил он.

– Знаете, другой информации я в газетах не видел, – ответил мистер Клеменс, немного подумав, – но я и читал в последние годы лишь те газеты, что выходят в Нью-Йорке и Новой Англии, а до того – в Калифорнии. А что тут не так?

– Скажите, а вот почему тогда южане были недовольны существующим положением вещей? – спросил канцлер Тамбовцев.

– Мы, южане, – ответил мистер Клеменс, – очень не любим, когда другие заставляют нас поступать так, как считают нужным другие.

Мой югоросский друг отрицательно покачал головой.

– Увы, Сэм, – сказал он, – это не единственная причина, и даже не основная. Более того, то, что вы читали в прессе, мало что имеет общего с настоящей картиной Реконструкции. Давайте для начала послушаем Билла Джонсона. Билл, прошу прощения за то, что заставляю вас вспоминать о трагических событиях, которые приключились с вами и вашими близкими. Но не могли бы вы рассказать мистеру Клеменсу о том, что случилось с вашей семьей?

Билл начал свой рассказ. Сначала мистер Клеменс смотрел на него недоверчиво – так, впрочем, как и обычно. Но потихоньку его лицо менялось. И вот Билл закончил свой рассказ словами:

– Так я оказался в Константинополе. Но мое сердце осталось там, у могилы моей несчастной Александры, и там, где лежат останки моих детей.

И тогда Клеменс встал, подошел к Джонсону и обнял его за плечи. Через пару секунд, похоже, устыдившись своих эмоций, он вернулся на свое место на диванчике и сказал:

– И такое происходит в нашей стране?! – произнес он глухим голосом. – Хоть я и живу в Коннектикуте, я все-таки южанин, пусть и из Миссури. И сейчас кровь стынет в моих жилах, когда я слышу о том, что там происходило на самом деле.

Тамбовцев только грустно посмотрел на него.

– Сэм, – сказал он, – когда Ли подписывал капитуляцию, ему было обещано прощение для всех южан, кроме тех, которые совершили тяжкие преступления, как, например, комендант Андерсонвилля, и возвращение нормальной жизни в южные штаты – уже, конечно, без рабства. Запомни, политики в Вашингтоне никогда не выполняют своих обещаний, если считают, что им это невыгодно. Так было, так есть, и так будет. Вместо обещанного возвращения нормальной жизни у южан отняли практически все права, наделив ими только негров, сакважников и немногих скалавагов...

– А что это такое – скалаваги? – удивленно спросил мистер Клеменс.

– Это южане, поддерживавшие янки, – ответил канцлер Тамбовцев. – А саквояжники – северяне, которые пришли на Юг после войны, и все имущество которых помещалось в один саквояже. Теперь многие из них страшно разбогатели, а некоторые даже стали сенаторами – как, например, небезызвестный Паттерсон, сенатор от Южной Каролины.

– Но меня с ним знакомили, – ответил мистер Клеменс, – и он произвел на меня неплохое впечатление.

– Сэм, – с горечью сказал канцлер Тамбовцев, – а что вы скажете, например, если узнаете, что в тюрьмах Чарльстона и других городов сидит множество людей, чьим единственным преступлением было то, что им принадлежало имущество, которое Паттерсон решил забрать себе? Или что он снизил зарплаты рабочим на одной из своих железных дорог, а когда люди начали протестовать, то вызвал людей из конторы Пинкертон в главе с ним самим и приказал подавить забастовку, в результате чего несколько человек были убиты и ранены? Кроме того, наша разведка сумела обнаружить еще одно весьма зловонное дело, в которое замешан Паттерсон. Об этом пока нельзя говорить, но поверьте – нет такого преступления, на которое он бы не пошел ради десяти процентов дополнительной прибыли.

В ответ на эти слова мистер Клеменс растерянно поежился.

– Алекс, – сказал он, – я вот только одного не понимаю – почему южане не восстанут против всего этого?

– Ну, – сказал мой югоросский друг, – формально Реконструкция закончилась, войска северян выведены из городов, и южане восстановлены в гражданских правах. Но многие города и плантации до сих пор лежат в руинах, промышленность и торговля практически заглохли, да и те, кто совершил преступления против южан, не наказаны и далее творят то, что творили раньше. Так что не удивлюсь, если в ближайшем будущем Юг восстанет вновь.

– И я так понимаю, – сказал Сэм, немного подумав, – что то предложение, которое вы хотите мне сделать, напрямую связано с Югом?

– Да, Сэм, – сказал мистер Тамбовцев, – мы бы хотели предложить вам работу главного редактора газеты, которая бы объективно освещала Юг и все то, что там происходило и происходит. Зарплатой вы, наверное, будете довольны.

Он написал на листке бумаги цифру, от которой у мистера Клеменса округлились глаза.

– Алекс... – растерянно сказал он, – это слишком много даже для известного литератора.

Канцлер Тамбовцев внимательно посмотрел на него и произнес:

– Скажу сразу: эта работа может быть небезопасной; вы, может, слышали про Франка Ки Хауарда?

– Слышал, – ответил мистер Клеменс, – и даже знаю, что он написал книгу о своем пребывании в заточении в начале Гражданской войны. Но ее практически никто не читал: ее тираж был почти сразу арестован, равно как и издатель, посмеявшийся ее напечатать.

– Сэм, – сказал мой друг Алекс, – я принес вам эту книгу, а также роман «Унесенные ветром» – книгу, которая с документальной точностью описывает жизнь одной плантации во время и после Гражданской войны. Вот они. – Открыв свой портфель, он достал уже знакомые мне книги.

Мистер Клеменс взял книги и взвесил их на руках.

– Алекс, – сказал он, – позвольте мне взять их почитать. Потом мы можем обсудить ваше предложение. Но скажу сразу: моя Оливия – янки до мозга костей, и вряд ли посмотрит благосклонно на подобную работу. Более того, я уже не столь молод, и мне хотелось бы жить у себя в Хартфорде и писать книги, благо денег у меня пока достаточно. Когда, конечно, Оливию не навещает ее портниха или она не едет в Нью-Йорк за покупками.

На эти слова Тамбовцев лишь развел руками.

– Сэм, – сказал он, – это ваше право. Но имейте в виду, что предложение мое останется в силе, даже если вы первоначально ответите «нет». И если вы передумаете, пришлите теле-

грамму вот на этот адрес. – И он написал пару строчек на том же листе бумаги. – Сообщите, что хотели бы обсудить издание ваших книг в Константинополе, и мы сразу все пойдем.

– Хорошо, Алекс, – кивнул мистер Клеменс, – договорились.

– Ну, вот и ладушки, – сказал канцлер Тамбовцев. – А пока давайте насладимся вот этим вином – и он достал из портфеля две бутылки вина с этикетками на русском языке. – Давайте выпьем за хозяина этого дома.

Янис декантировал рубиновое вино. Меня поразило, насколько красив и гармоничен был его букет. Вино оказалось крепленным и сладким, в соответствии с общепринятым вкусом. И должен сказать, что лучше вина я, пожалуй, не пил никогда. Сэму вино, похоже, тоже понравилось не меньше.

– Что это за чудесный напиток, Алекс? – спросил он.

– Это крымский портвейн от князя Голицына, – сказал тот. – Мне кажется, что подобного не сыщешь и в Португалии.

Я спросил:

– А где его можно достать?

– В скором времени, – сказал мой югоросский друг, – его будут продавать и в Константинополе, в винном магазине братьев Караманлис. А пока я пришлю вам всем по ящику этого вина. Если хотите, конечно.

Взгляды каждого из нас были настолько красноречивы, что канцлер Тамбовцев только усмехнулся.

– Ну что ж, – сказал он, – значит, завтра вам его привезут. А пока предлагаю следующий тост – за прекрасных дам!

Часть 17-я «Конец Пинкертона»

28 (16) ноября 1877 года. Константинополь. Дворец Долмабахче

Канцлер Югороссии Тамбовцев Александр Васильевич

Сегодня мне предстоит побыть цыганкой, которая «золотому, яхонтову, серебряному добру молодцу» нагадает «дорогу дальнюю и большие хлопоты»... Хотя очень не хочется мне этого делать – сей добрый молодец еще не натешился с молодой женой. Да служба есть служба. И никуда от нее не денешься.

Иными словами, сегодня я вызвал к себе уже известного всем подпоручика Игоря Кукушкина. К нему и его супруге Надежде я, помимо обычных человеческих симпатий, испытываю еще и что-то вроде родственных чувств – ведь я был шафером на их свадьбе. Да и нравится мне эта парочка. Познакомились они при трагических обстоятельствах во время погромов, начавшихся сразу же после захвата нашей эскадрой Константинополя. Ну и полюбили друг друга почти сразу. А сейчас мне придется разрушить их идиллию. Как там в песне поется – «Дан приказ ему на запад...»

Из уютного семейного гнездышка в Константинополе ему и его прелестной спутнице жизни предстоит отправиться на Кубу, где самого Игоря ждет должность коменданта нашей базы в Гуантанамо, а его взвод составит ее гарнизон.

Почему именно его? Во время обсуждения этого вопроса с адмиралом Ларионовым мы оба пришли к выводу, что подпоручик – самая подходящая кандидатура, поскольку он имеет боевой опыт, находчив, умеет командовать, прекрасно стреляет и владеет приемами рукопашного боя. Нам нужен на Кубе человек, на которого можно было бы полностью положиться. Немаловажную роль сыграло и то, что он женат на испанке, и в процессе общения со своей супругой немного научился разговаривать на языке Сервантеса. А Наденька уже сама неплохо изъясняется по-русски, так что вполне может быть у него переводчицей.

Все эти соображения я и выложил Игорю, когда он прибыл по моему вызову. Скажу честно – особого восторга я на его лице не обнаружил. Действительно, человек только-только наладил семейную жизнь, а тут тебе бац – приказ. Но, как известно, приказы не обсуждают, а выполняют – это любой военный человек знает как таблицу умножения. К тому же я подсластил ему пилюлю, обрадовав приказом о производстве его в поручики и намекнув, что служба в Гуантанамо может дать командованию еще один повод для еще одного очередного повышения его в звании.

– Александр Васильевич, – сказал Кукушкин, – Гуантанамо – это то место, где у американцев в нашем времени была секретная тюрьма?

– То самое, – подтвердил я. – Но в этой истории там будет наша не менее секретная база. Что там и как – ты потом узнаешь из документов, которые тебе вручат на «Адмирале Ушакове» уже в море. Даст Бог, в Средиземном море и в Атлантике не будет сильно штормить – у вас с Надеждой будет неплохое свадебное путешествие. Кстати, как там она?

– Спасибо, хорошо, Александр Васильевич, – улыбувшись, сказал Игорь, – она обижается, что вы к нам не заходите.

– Извини, Игорь, – сказал я со вздохом, – просто у канцлера Югороссии совсем нет времени. А теперь я даже и не знаю, когда и увидимся. Надеюсь, что годика через два или три

тебя сменяют, и ты с Наденькой вернешься сюда, на берега Босфора. И вернетесь не вдвоем, а с пополнением... Кстати, как там у вас, ничего не намечается по части прибавления в семействе?

– Вроде бы нет, – смущенно ответил Кукушкин. – Хотя... Ну, в общем, будем посмотреть. До свидания, Александр Васильевич, всего вам доброго. И не болейте, а то Надюша мне рассказала по секрету, как вы у подполковника Сергачева тайком таблетки стреляете.

– Ладно, Игорек, – я пожал руку поручику Кукушкину. – Вперед, не посрами нас, питерских.

– Да я, Александр Васильевич, не питерский а выборгский, – сказал с улыбкой Игорь, – хотя, конечно, все равно рядом – два лаптя на карте.

Не успел я попрощаться с Кукушкиным и перевести дух, как зашла секретарша и сказала, что в приемной находится посетитель, который меня страстно желает увидеть меня. Этот посетитель назвался Андреем Желябовым.

Сказать честно, я уже как-то и подзабыл о существовании этого несостоявшегося царевича. Знал только, что он активно занимается медициной под руководством своей подруги – операционной сестры Жанны Герасимовой. Видел его несколько раз беседующим с моим старым другом Игорем Сергачевым. Я потом спросил у Игоря, о чем он так душевно разговаривал с Желябовым.

– Знаешь, Шурик, – задумчиво сказал он, – похоже, что у человека произошла полная переоценка ценностей. Сейчас он уже не рвется «взять все и поделить», а думает о том, как бы принести больше пользы окружающим. Да и Жанна, похоже, правильно на него влияет. Со мной же Андрей советовался, как ему лучше поступить – набраться опыта, а потом уже взяться за учебу, или сразу пойти учиться на врача.

И вот Желябов вдруг срочно просит у меня аудиенции. Что бы это могло значить?

А значило это то, что он тоже решил отправиться на Гуантанамо. Но не для того, чтобы греть пузо на золотом песочке местного пляжа. Все началось с того, что на «Адмирале Ушакове» в составе отряда медиков на Кубу предстояло отправиться и Жанне Герасимовой. Операционная сестра – профессия дефицитная, и там, где будет много раненых (а экспедиция в Ирландию вряд ли будет легкой прогулкой) без медиков с опытом военно-полевой хирургии не обойтись.

Узнав о том, что его подруга куда-то уезжает, Желябов разволновался. Он как-то сумел разговорить Жанну, и она рассказала ему – в общих чертах, конечно – чем именно она будет заниматься во время своей кубинской командировки. И вот тут-то Желябов показал характер и взвился на дыбы...

Это что же получается – женщина отправляется за тридевять земель, чтобы поучаствовать в борьбе за свободу угнетенных, а он, здоровенный мужик, должен отсиживаться в безопасности, штудировав учебники анатомии и накладывая гипсовые повязки? А дама его сердца в это же время будет помогать хирургам во время операций, вытаскивать раненых борцов против британских угнетателей с того света! Нет, так не должно быть!

Все это Желябов выложим мне, волнуясь и глотая слова. И куда делась его обычная сдержанность? Он просил – нет, он требовал – чтобы я включил его в состав медицинского отряда в качестве волонтера.

– Александр Васильевич, – бушевал он, – если я не отправлюсь вместе с Жанной Владленовной на эту святую войну за свободу угнетенных ирландцев, то я себе этого никогда не прощу. Неужели вы хотите, чтобы я навсегда потерял себя?

– Андрей, – сказал я, когда Желябов выдохся, и сделал паузу, чтобы немного передохнуть, – я вас прекрасно понимаю. Если бы не мой возраст и не моя должность, то я и сам бы, не задумываясь, отправился помогать ирландцам. Но с вами все не так просто. Вы просто не представляете, каким опасностям в этой экспедиции вы можете подвергнуть свою жизнь.

– Я готов отдать жизнь за свободу Ирландии! – пылко воскликнул он. – Во всяком случае, даже если я там и погибну, то последняя моя мысль будет о том, что жизнь я прожил не напрасно!

– Гм... – сказал я, – если вы так решительно настроены, то я, пожалуй, замолвлю за вас словечко перед адмиралом Ларионовым. Кстати, а как к вашей идее относится Жанна? Надеюсь, вы с ней обо всем посоветовались?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.